

ВРЕМЯ, НАЗАД!

...Можно так начать: «Эрцгерцог вернулся к себе домой». Или так: «Старик впадает в детство... на шпильки изводя фамильное наследство...»; или так: дракон кусает себя за хвост. Не поленюсь вставить и четвёртый эпитафия, немецкую поговорку: «О чём мечтаешь в юности, то с избытком получаешь в старости».

В 1971 году начитанная Регина Серебряная, библиотекарь, сказала (в связи с моим стихотворением, где я одноклассницу называю Лигейей): «Вот человек, ошарашенный литературой». В этом была правда, но не вся правда. Точнее было бы сказать: человек, поработанный грозной прелестью стиха и, одновременно, в тесной связи со стихом, потрясённый мыслью о неизбежности смерти.

С шести лет стихи были моей жизнью, моим щитом от смерти. По наполнению они всегда оставались богоискательством без мысли о боге, по форме — долго, слишком долго, — метаниями из стороны в сторону и детским лепетом. Взрослеть не удавалось и *не хотелось*.

Пришла пора избавиться от этого ярма: от вороха детских рифм. На подвиг Иннокентия Анненского — выбросить всё разом — мне не хватает мужества; получится, что я и не жил. Да и как выбросишь то, что помнишь наизусть? В надежде облегчить мою память и совесть прибегаю к испытанному средству: к публичному покаянию. Каюсь, не отрекаясь. «Строк печальных не смываю...» Выстраиваю стихи, систематизирую их, отсекаю бахрому...

Каюсь, не отрекаясь: *молокососом*, пусть и *звёздным*, я остаюсь в этом млечном мире до двадцати четырёх лет, когда

уже и диплом с отличием получил после окончания одного порядочного факультета, и первые учёные статьи напечатал. Я не стыдился этого тогда (прямо писал о себе в 1970 году: «брошенный взрослыми»), не стыжусь и теперь. В этом курьёзе не только моя человеческая слабость видна, в нём — печать места и времени, отмеченных мёртвым штилем. Ленинград 1960-х и, особенно, 1970-х, был склепом заживо погребённых.

С усилием отстраняю искушение назвать эту книгу *Беатриче с Петроградской*. Беатриче (носившая в быту другое, очень простое имя), моя ровесница и одноклассница, но не подруга, моё измышление, создание горделивых младенческих грёз, — зримо присутствует здесь, проходит через всю дневниковую анфиладу зыбких и ломких стихотворений и даже не умирает в этих шкатулках моей памяти: продолжает жить в моих последующих стихах. Мечта об одной любви от рождения до смерти увлекла меня восьмилетним ребёнком.

Но это была именно детская мечта, литературная выдумка, навеянная Флорентийцем и в тринадцать лет подхлёрнутая Русским Символистом. Сколь ни важна была эта мечта, не всё для меня сводилось к ней. Лирических героинь тут несколько, подчас (как это у всех бывает) они накладываются, сливаются, соперничают... и одна из них, против моего детского ожидания, переросла рамки ребяческой литературной мечты, стала судьбой... Мечтал я вообще о разном, не только о счастливой любви; даже и гражданственные стихи пытался писать... и патристические.

Границы всех трёх вошедших сюда книг размыты; разделы пересекаются (особенно потому, что я часто спустя годы возвращался к начатому и незавершённому... да-да, к *inachevé*, по известной шутке).

Окончательная редакция стихотворений (перед неизбежным «и в Лету бух!») свелась к сокращениям, где иногда приходилось резать по живому, к отбору вариантов, сохранённых бумагой и памятью, и к вставкам того, что вернула память и чего я стыдился. Несколько стихотворных строк были мною брошены в юности в полном сознании того, что они нуждаются в исправлении и будут мною поправлены, когда повзрослею. Эти поправки оставляют в неприкосновенности главное: ритм, звук и моё тогдашнее мироощущение, в которое только я и могу погрузиться.

Скрепя сердце, отсеиваю все бесформенные наброски, державшиеся ещё не *звукосмыслом*, а только звуком родного языка, моей путеводной звездой, долго заслонявшей семантику и композицию. Некоторые опыты, самые наивные, я давно выбросил... о чём по временам жалею; их не вернёшь. Нет здесь вовсе стихов дошкольного периода, их я начал стыдиться ещё школьником. Кое-что выбрасываю сейчас, а кое-что выбросить не хочу несмотря на всю вопиющую беспомощность написанного.

На вопрос: *зачем всё это?* отвечаю так: я переживаю заново *мою жизнь*, это моё внутреннее дело, главное итоговое дело моей жизни. При этом я ни от кого не ищу прямого сочувствия. Но так уж человек устроен, что, при всём его прощальном равнодушии к отклику, в конце жизни совершенно искреннем, это своё дело, главное и в сущности своей сокровенное, он — природный клубок противоречий — всё-таки не может и не хочет осуществлять в полном одиночестве... (*Приоткрыть сокровенное*: не в этом ли ключевом противоречии — самая суть лирической поэзии?)

...А что стихи не замечательны, так «я не обещал вам нарисовать портрет великого человека». В 1970-е рифмовать *глаза–динозавр* считалось хорошим тоном. Стихи выражают меня, а я выражаю выпавшее мне время. Это во-первых. Во-вторых и в-главных, стихи эти продиктованы подлинным вдохновением — и мне дороги.

Ю. К.

27.12.17,
Боремвуд,
Хартфордшир

КНИГА ПЕРВАЯ

ДОРОГА ЗВЁЗДНОГО ОГНЯ

(1958-1964)

ИОНИЙЦЫ

(фрагмент)

...Милет восстал. Народ упорный
Поднялся мстить за кровь отцов,
Поднялся город непокорный,
Восстали массы храбрецов,
Восстали — защищать свой кров.
Свободный дух расправил плечи,
Свобода рв́алась из оков
И ли́лись пламенные речи.

Отвагой братьев вдохновленный
Воспрянул Аттики народ.
Афины, город непреклонный,
Поддержку ионянам шлёт.
Когда земля у стен Милета
Была вечерней мглой одета
И у подножья здешних гор
Раскинул Дарий свой шатёр,
Напутствуемы ветром веры,

Уже входили в порт триеры,
Преодолев морской простор... (...)

1958

МОРЕ

Ясное утро. И море спокойное
Катит лениво волну безмятежную.
Ласковы моря просторы безбрежные,
Ласково неба дыханье нестройное.

Но не обманет нас море коварное!
В недрах его скрыта сила могучая —
Волны поднимутся... Пена кипучая
Солнце закроет собой лучезарное.

Тучи по небу поднимутся чёрные,
Вихрь ураганный завоет неистово,
И забушуют у берега скалистого
В танце безудержном волны упорные...

...Гладь голубая, глубины прозрачные
Тайны хранят, никому не известные.
Ими наполнено море чудесное,
Их повидали утёсы невзрачные.

Тайны навеки останутся тайною,
Море о них никому не поведает...

...Мирно волна с берегами беседует,
Солнце восходит над гладью бескрайною...

1958

ПОДРАЖАНИЕ ГЮГО

Смотри: от века не бывало
Здесь страшного такого шквала —
 То гнев богов!
Пучина буйствует, ярится,
И есть чем вору поживиться
 У берегов.

От века споря с океаном,
За рифом риф встаёт титаном
 Из мглы ночной,
Стеной отвесной встали скалы,
Пред ними все бессильны шквалы —
 Сей шквал иной!

Смотри: в бою стихий упорном
Взмыл чёрный парус с флагом чёрным —
 Ужасный знак!
Голландец-призрак — вестник ада!
Его штурвальным смерч — отрада,
 А ночь — маяк...

1958-1960

С АНГЛИЙСКОГО

Сияй надо мной, голубая звезда!
Понять, что ты значишь, хотел я всегда.
Загадка и тайна, ты радуешь глаз
И душу волнуешь, небесный алмаз.

Когда потемнеют кругом небеса,
Когда на траву оседает роса,
На землю ты шлѐшь голубые лучи
И в небо зовѐшь в непроглядной ночи.

1959

Весны могучее дыханье
Всѐ ощутимей с каждым днѐм.
Весна! Природы ликование,
Сиянье в небе голубом.

Настал апрель. Теперь повсюду
Бегут весѐлые ручьи...
Их светлых струй я не забуду,
Как очи тѐмные твои...

1959

ГОЛУБОЕ НОЧНОЕ СВЕТИЛО

Опустилась на город усталый
Тёмной ночи лиловая мгла,
И на небе полоскою алой
Свет вечерний заря разлила.
И казалось: с лучами заката
Счастья луч угасает златой,
И душа была грустью объята
И пуста, словно город ночной.

Шёл я вдаль, где объятый тоскою
Купол неба, угрюмый ночной,
Наклонялся над грешной землёю,
Над землёю, окутанной мглой.
Шёл я вдаль, словно тень, одиноко,
Ветер листья деревьев ласкал,
А на бархатном небе востока
Свет взошедшей звезды заиграл.

Голубое ночное светило
Не струило полуденный зной,
Но меня безраздельно пленило
И, казалось, звало за собой.
И забыл я в тот час, что за мною
Спал мой город в таинственной мгле,
И забыл я в тот час всё земное,
Всё, что мог я забыть на земле.

И пошёл я туда, где сверкала,
Восходя, голубая звезда.
И печаль ко мне в душу запала —
И осталась в душе навсегда... (...)

1960

СКИТАЛЕЦ

(фрагмент)

В просторах Азии бескрайной,
Где горы голубые спят,
Среди лесов, объятых тайной,
Когда-то, сотни лет назад,
Селенье бедное ютилось
И речка быстрая струилась,
Пенясь средь каменных преград. (...)

(герой приходит издалека; он и
героиня любят друг друга;
но Рок неумолим...)

...Река брала своё начало
В пустынном озере, в горах,
Где солнце алое вставало,
Купаясь в белых облаках.
Вот озеро. Оно долины
Чудесных лишено красот.
Лишь горы снежные вершины

Вздывают ввысь над гладью вод.
Здесь строгой осени дыханье
На всём запечатлело след,
И для последнего свиданья
На свете лучше места нет. (...)

(они прощаются; гонимый Роком,
герой уходит)

...Там лес стоял стеной зелёной,
Там вновь, как прежде, как всегда,
Шли месяцы, текли года
Из чаши времени бездонной.

1960

Меркнут закатные дали,
Тихая ночь подошла,
Тени вечерние пали,
Небо окутала мгла,

Сырость подкралась ночная,
Звезды зажглись в вышине...
Только цветы, засыпая,
Тихо вздыхают во сне.

1960

ЛЮДИ И ЗВЕЗДЫ

Свет луны, слепой, бесстрастный,
 Душу леденит,
Город спит во мгле ненастной,
 Город тихо спит.

Небо звёздами одето —
 Под покровом тьмы,
Помню, здесь лучей рассвета
 Вместе ждали мы.

Помню: в небе золотилась
 Яркая звезда.
Помню, как она затмилась.
 Помню навсегда.

Я один, и надо мною
 Та звезда опять.
Сердце сломлено тоскою.
 Мне ли не страдать?

Я тебя не обвиняю —
 И кого винить?
Я живу — и я мечтаю
 Этот мир забыть...

Неизбывная тревога
Мучает меня, —
Знаю я: мой путь — *Дорога*
Звёздного огня.

29.07.60

ПЕРЕД КАЗНЬЮ

поэма

Этот вечер я буду помнить
всю жизнь... Всю жизнь!..

Гюго

*Последний день
приговорённого к смерти*

ПОСВЯЩЕНИЕ

*То, что ветры весенние
Мне шептали, звеня;
То, чем юных стремление
Наградило меня;*

*То, чем сердце обязано
Безысходной борьбе;
То, что болью подсказано, —
Посвящаю Тебе,*

*Аонида жестокая
Давних сумрачных лет...
Бесконечно далёкая,
Как туманный рассвет.*

В темнице мрачной и холодной,
Покинутый своей судьбой,
Я вновь живу мечтой бесплодной,
Давно померкнувшей мечтой.
Как долго тянутся мгновенья
В унылой, страшной тишине!
Передо мною, как во сне,
Встают минувших лет виденья,
Терзает душу сожаленье
О счастье, изменившем мне...
Я знаю: с завтрашним восходом
Мой час настанет роковой,
И я прошусь с тюремным сводом,
Чтоб самой страшною ценой
Навеки обрести покой.

Смотрю сквозь узкое оконце
На пламенеющий закат.
Над городом садится солнце,
Как много-много лет назад...
Я рад знакомому закату,
Его привычной скорби рад;
Лучи его в душе скользят,

Чтоб возместить мою утрату,
Напомнив мне иной закат...

О юность, радости цветенье!
Мечтаний трепетных пора!
В душе не ведает забвенья
Моё счастливое вчера —
И в парке милое виденье
Под сенью звёздного шатра...

...Уж веет свежая прохлада
Над миром, дремлющим во мгле,
И ощутим под сенью сада
Покой, ниспосланный земле.
Ещё светло, светло, как утром,
Но месяц бледный в пруд глядит
И тихо воду серебрит,
Мерцая чистым перламутром, —
Мир только дремлет, но не спит.

Уж солнце, вдаль склонясь устало,
Мерцало бронзовым огнём,
Косыми бликами играло
В саду старинном и пустом,
Где всё весной любви дышало,
Где сердце тихо замирало
В тот вечер, что казался сном,
И где в аллеях — мы вдвоём...

Она... — Вчера пострел игривый,
Дитя, резвушка и юла, —
Вдруг орхидеей горделивой
Моя кузина расцвела.
Вчера младенческого друга
Я мог ласкать или дразнить,
Сегодня — странного испуга
И дрожи не умею скрыть...
Мы шли, деревья к нам склонялись
Июньской нежною листвою,
И, верно, тихо улыбались
Под кроною своей густой.

Вечерний час. Быть может, это
Располагает к тишине,
Как все, подвластное луне
До первых проблесков рассвета.
Ведём мы тихий разговор
В полубеспамятстве смущённом.
О чём?... Я помню только взор,
Манивший будущим бездонным,
Мне жизнью ставший с этих пор...
Я на неё гляжу украдкой
И глаз не в силах оторвать.
Она казалась мне загадкой,
Что я не властен разгадать.

...Я вновь живу воспоминаньем —
И в сердце нету пустоты,
На смену страху и страданиям

Явились милые черты
Беспечной юной красоты.

Она ещё не знает власти
Своих зеленоватых глаз,
В них больше радости, чем страсти,
Непринуждённости и счастья,
И доброты не напоказ.
Они наивны и пытливы,
Пугливы и смелы подчас,
А жесты — так неприхотливы...
А смех ребячески-счастливый...
Всё это словом не обнять,
Не совместить, не передать.

Нам улыбаясь, вечер ясный
На землю сходит тихим сном,
Объемля чутким забытьём
И сад, старинный и прекрасный,
И город тихий, — всё кругом.

И вдруг, с мальчишеским задором,
Очнувшись будто ото сна,
Мне звонко крикнула она
(и эхо повторило хором):
— Бежим! —

Сгустился сумрак мгlistый,
Хоть месяц плавал в вышине,
Как смех тот, нежно-серебристый,

Но не до смеха было мне.
Догнав её в конце аллеи,
Где путь белил ночной туман,
Как покрывало доброй феи, —
Я робко обнял гибкий стан...

Закат померк, и купол звёздный
Сверкнул мирьядами светил,
Холодной, безучастной бездной
Над нами в сумраке застыл.
И в нём — величие Вселенной
И тщетный зов далёких звёзд,
Куда Земля в борьбе бессменной
Бессильна перекинуть мост...

Луна бросает свет неярко
На дуб и на скамью под ним,
Где мы сидим в аллее парка,
Не видя звёзд, не веря им...

Вот так и для меня настала
Пора любить, пора мечтать...
Сама Любовь о нас мечтала
И нас в ту ночь оберегала,
Чтоб тихим грёзам не мешать,
Чтоб звуков мира не звучало,
Чтоб в этот час нам мир забыть,
Чтоб вечно верить и любить...

Уж блики солнца не играют
На стенах камеры моей,
И тихий вечер уступает
Свой трон безмолвию ночей.
Закат померк. Лишь отблеск красный
Ещё не поглотила мгла;
Луна взирает безучастно,
Вдали слышны колокола...

...И — жизнь прошла!...
Влекомый страстью,
Я не считал свои года;
Я проложил свой путь к несчастью.
Но кто мог знать?.. Пришла беда.
А жизнь зовёт меня и манит,
И ощущая этот зов,
Рассудком знаю: солнце встанет,
И день придёт, и с ним нагрянет
Мой час последний...

Я готов!

Август 1960

Пусть не будет надежд безнадёжных,
Пусть не будет мечтаний пустых.
У Фортуны в руках осторожных
Вижу нож в перламутровых ножнах.
Ждёт в безмолвии жертв он своих.
Пусть не будет надежд безнадёжных!

Горе тем, кто Судьбой обречён
И не видит жестокой затеи...
Но к Судьбе не пойдёшь на поклон.
Не заметит раба фараон,
Не бывает сердец холоднее...
Я из тех, кто Судьбой обречён...

1960-1961

Ловлю заката сумрак алый
Над синим трепетом реки —
Там сердце где-то услышало
Мотив мечтательной тоски...
Пустеют улицы и скверы,
Тускнеют яркие огни,

Ползёт туман, сырой и серый,
И тонет в траурной тени...

Вечерний город! Необъятна
Твоя ласкающая мгла,
Где гаснет день в крови закатной,
Где ночь безмолвна и светла,
Где тени мечутся устало,
Заслыша гулкие шаги,
Где ночь безмолвием сковала
На сером камне пьедестала
Копыто бронзовой ноги.

1961

Из-за туч появилась луна,
Как январская ночь, холодна.
Словно страж равнодушного сна,
Покатилась по крышам домов.

Мы по улицам сумрачным шли.
Только звёзды звенели и жгли,
Только волны стенали вдали,
Словно звук недосказанных слов.

Друг единственный преданный мой,
Пёс послушно плетётся за мной.
Мы под млечною сенью ночной
Исходили немало дорог.

Увлечён безысходной мечтой,
Обречён я ночью порой,
Уходить в этот город пустой
Незнакомых страстей и тревог.

Друг лохматый! Влекумы Судьбой,
Каждый вечер над тихой рекой
Этот дом мы находим с тобой,
Утонувший в тумане седом.

Мы садимся у спуска к реке
На ступени в холодной тоске.
Чьи-то тени скользят вдалеке,
В неразгаданном мраке ночном...

Всюду тихо, уныло, темно,
Словно ночь и тоска — заодно.
Синим светом мерцает окно,
И не в силах я глаз оторвать.

Пёс тихонько прижмётся ко мне.
Шерсть слежалась на тощей спине.
Неподвластны холодной луне,
Мы умеем любить и страдать.

Этой ночью, не ведая сна,
Ты, быть может, стоишь у окна,
И, быть может, стоишь не одна,
Глядя вниз на Неву сквозь туман.

И, взглядевшись в ненастную тьму,
Ты, не думая, скажешь ему:
— Чья там тень? Я никак не пойму...
Человек? Он, наверное, пьян... —

Только чаще не видим мы свет.
Дом таинственным мраком одет,
И возврата ушедшему нет,
И не видно предела пути.

Пёс покорно плетётся за мной —
Друг единственный преданный мой,
Обречённый ночью порой
Наше общее бремя нести...

— — —

.....
.....

Всё заметней проходят года.
Время нас разлучит навсегда.
Мы умрём, не оставив следа,
Не сказав недосказанных слов. —

Через тысячи лет, холодна,
Вновь над миром повиснет луна.
Словно страж равнодушного сна,
Поплывёт по фасадам домов.

7-12.04.61

В бархатном небе Востока
Тихо вздыхает луна,
Смотрит на волны потока,
В город глядит одиноко,
Полный волшебного сна.

Струи фонтанов напевно
Падают с мраморных плит.
Выйдя из храма, царица
В царский чертог не спешит.

Грустью томимая странной,
Тихо блуждает в тоске,
Слушает всплески фонтана,
К лунной выходит реке...

Что её сердцем владело? —
Волей пророческих снов

Взгляд она бросить посмела
В сумрак грядущих веков! —

Видит: над той же рекою
Та же восходит луна;
Тот же и храм под луною,
Что посещала она...

Склеп перед нею забытый.
Ужас царевну объял! —
Кто-то на тверди гранита
Имя её начертал...

А над рекою туманной,
Сгусток волшебного сна,
Грустью томимая странной
Девушка бродит, бледна.

22.03.61

На крутом берегу, над притихшей рекой
Лес дремучий в туман погружён голубой.
И деревья склонились к зеркальной воде,
И прозрачные тени ложатся везде,

И в предутреннем небе скользят облака,
И о камни со звоном дробится река.

А под сенью листвы, недоступен весне,
Бог гранитный таится в пожизненном сне.
Изваянье давно пролетевших веков,
Над водой он застыл, молчалив и суров,
И на волны слепые глаза устремил,
Словно ищет в реке отражений светил.

И в народе преданье сложили о нем,
Будто ночью, под тихой холодной луной,
Эти очи зелёным мерцают огнём,
Разрезая таинственный сумрак ночной.
И под взором тех глаз закипает вода,
И минувшее вновь воскресает тогда.

И по лесу забытые тени скользят,
И река по-иному играет волной,
И деревья в лесу по-иному шумят...
Только идол стоит недвижимой скалой.
И, как прежде, склоняют колени пред ним,
И к луне поднимается жертвенный дым.

И возносится к небу протяжный напев,
Заунывный, тоскливый, бесцельный призыв,
И сквозь серую мглу над рекой пролетев,
Проникает к вам в душу суровый мотив.
В нём звучит неуверенность в завтрашнем дне
И животная горечь бесплодной борьбы —

И возносится песня к холодной луне,
Безучастной к слепым поворотам Судьбы...

март 1961

СФИНКС

Ты над чёрною водою
В ожидании застыл —
Под холодную луною,
В блеске сумрачных светил.

Город строен и спокоен.
Снег, слепых туманов синь...
Сфинкс! Ты знал, как воздух зноен
Средь египетских пустынь!

Равнодушие прохожих
Равнодушноносишь ты —
Только тень ложится строже
На суровые черты...

Ты в неволе здесь, бессменный
Страж неведомой земли.
Ты один во всей Вселенной!
Ты от родины вдали!

Помнишь ты поток священный,
Неоглядные пески,
Помнишь мраморные стены
Белых храмов у реки.

Здесь же — ветер неугомонный
Снег неласковый несёт
Или юноша влюблённый
Серой тенью промелькнёт,

Иль пройдёт мечтатель пьяный,
Пряча нос в воротнике,
И холодные туманы
Всколыхнутся на реке...

Что ж ты медлишь? — Или мало
Жизнь глумилась над тобой?
Так шагни же с пьедестала
Под покровом мглы ночной!

Город тихий, город сонный
Не проснётся, не вздохнёт —
Лишь ростральные колонны
Лунный ужас обовьёт...

28.03-5.05.61

Вечер лапой мглы стирает
С небосклона кровь зари,
И над миром звёзды тают,
Как ночные фонари;

И скользят повсюду тени,
Убегая от луны;
И по холоду ступеней
В каждый дом крадутся сны...

Город тихий, город сонный
Не проснётся, не вздохнёт,
Не услышит ветра стоны,
Чары ночи не прочтёт...

Звёзды шлют золотые стрелы
Сквозь туман в обитель сна,
В город льёт свой холод белый
Равнодушная луна.

3.09.61

ФЛОРЕАЛЬ ТРЕТЬЕГО ГОДА

Меня однажды странный сон
Увлёк в поток времён.
Я слышал шорохи знамён
И чуждый счастью звон.

Как бесконечные огни
На улицах ночных,
Прошли передо мною дни
Борьбы страстей глухих.

Я видел солнечный восход
Над мутною рекой,
Я видел пламенный народ,
Что жил своей борьбой.

Я видел воинов босых —
Паломников мечты,
Я видел в сумерках ночных
Над Сеною мосты.

Я слышал яростный набат,
Клич бедствий и невзгод...
С трибуны бледный адвокат
Глядел на век вперёд.

Он проложил стезю побед
Поверженной стране,

Но перед ней держать ответ
Обязан он вдвойне.

В камерке ночи напролёт
Мерцает свет в окне...
Уж видит он свой грозный год
И Францию в огне...

1961

VITA NUOVA

Алые зори июня,
Вы ли напрасно грустили?
Я ли стою накануне
Новой, неведомой были?

1961

ЛУННАЯ ТРОПА

Под луной безучастною,
Где я брёл, одинок,
Нас рукою бесстрастною
Свёл изменчивый Рок.

С болью струны сердечные
Зазвучали опять:
Сердце грёзы извечные
Уж не в силах вмещать...

...Но виденье далёкое
Ты изгнать не вольна:
Та тропа одинокая
И немая луна...

12.01.61

*— Планете, заревом объятой,
Скажи последнее прости,
Забудь рассветы и закаты
За гранью Млечного пути! —*

Послушный тайному призыву,
Я в путь готов, но холодна
И равнодушно молчалива
Моя владычица луна.

И только Ты — в тумане звёздном,
Постигнув тайные мечты, —

Ты сходишь в город, поздно-поздно,
На эти чёрные мосты,

На эти гаснущие дали,
В нерастворившуюся мглу,
Где мы прощались и встречали,
Прильнув к оконному стеклу...

Твои черты неуловимы,
Тобою полон каждый час,
Меня влечёт куда-то мимо
Немая сила звёздных глаз.

На фоне бледного заката
Мне пламя взгляда не снести —
И ты влечёшь меня куда-то
По ленте Млечного пути...

1962

НАД ЖДАНОВКОЙ

Логика снов моих
Проще надежд моих,
Проще речной
Волны,

Проще иной
Весны.
Это — тебе одной,
Только тебе одной.

— — —

Годы меняют нас.
Все мы грустим подчас,
Видя в знакомых глазах
Новую боль
И страх...
И только тебя одну
Сквозь пустоту минут
Вспомню — в который раз! —
Вспомню всегда такой,
Словно ещё вчера
Виделись мы с тобой.

Вечер.

И звон.

И снег.

Вечером
Холодно мне,
Зябко бродить и ждать,
Ждать этих глаз всегда...
Улицы.

Снег.

Туман.

В инее все дома.

Тоже чего-то идут
В эту январскую жуть.
Знаю: домой пора.
То же
Было вчера,
То же — будет опять...
Выпал мне жребий
— ждать...
Я обречён — всегда —
Я осуждён — ловить
В синих кристаллах льда
Отсвет
Моей любви.

— — —

Молча бреду на мост.
Мост до костей промёрз.
Нетронутый снег
Пушист.
Нету следов машин...

...Страшен мне
твой размах,
Мама моя, зима!

— — —

Я верю в магию снов,
Я чувствую всей душой,

Я знаю: *здесь* суждено
Встретиться мне с тобой!

Слушай рассказ мой, ночь.
Ты у меня одна.
Слушай... — хоть мне помочь
Даже ты
Не вольна...
Это случилось так:
Я услышал во мгле
Чуть различимый шаг,
Я услышал во мгле
Лёгкую поступь ног,
Тех, что на всей Земле
Бог
Повторить не смог!

Я небо могу поднять —
Пусть рухнет на плечи мне!
Город
могу
поднять
Я на своей спине,
Могу я весь невский лёд
Дыханьем своим растопить
И, может быть, другу ещё
Измену смогу простить, —
Только вот глаз поднять,
Глаз от земли поднять

В этот звенящий миг —
Нету

сил у меня!

В этот звенящий миг
Слов — для тебя — найти
Я не смогу, — пойми,
Я не смогу, — прости...

— — —

Мост.

Тишина.

И снег.

Мороз не даёт бледнеть.

Близко до дрожи я

Вижу лицо твоё.

Жарко зимой стоять

Так, на мосту, вдвоём.

Тихо.

И ночь молчит,

Гулко колокол бьёт —

Это сердце стучит,

Сердце стучит моё...

1962

СОН

В этом мире, я знаю, нет
Предначертанных Роком дат —
Ты приснилась сегодня мне,
Неожиданно,
Как всегда.

Помню:
Вьюжный и мгlistый день,
И нет ни души кругом,
И я — неизвестно где —
Настигнут Моим Врагом.
Был жестоким неравный бой,
Я упал — головой об лёд.
В этот город, совсем чужой,
Опрокинулся

небосвод.

И в глазах —
жёлтый туман,
И свинцовых век не поднять.
Ты победила, Зима,
В единоборстве
Меня...

И в этот последний час,
Бледна, как звенящий снег,
Печалью огромных глаз
Ты наклонилась ко мне.

сентябрь 1962

ПРЕЛЮДИЯ

Метель ломилась и стенала
В квадрат стекла,
А ты, усталая, мечтала,
Далёкая, ждала.

Ложились ломаные тени
Лицом к луне,
Луна спускалась на колени
По стёклам на окне,

Луна лилась, луна играла,
Метель сдалась.
Метель, наверное, не знала,
Что ты ждала.

1962-1963

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Небо рушится в город кристаллами льда,
Под ногою, промёрзший, звенит тротуар,
И сверкает застывшая в окнах вода,
Этот праздничный дар. В синем пламени фар
Здесь машины скользят неизвестно куда,
И проспект поглощает их призрачный свет... —

Ожиданием полня холодную даль,
Небо сходит на землю в своём торжестве!

Бьют на башне часы. За ударом удар —
Будто чьи-то шаги в неземной тишине...
Этот вечер, исполненный сказочных чар,
Этот город в игре карнавальных огней,
Этот мир бесконечный — и молод, и стар,
И могуч, как звенящий над нами металл.
Торжествуяще яростно над каждым из нас,
Безначален, как бездна опаловых глаз,
И стозвонен, и хрупок, как горный хрусталь
И мятежен, и тих, как закатная даль!..

1961-1962

АМНЕРИС

Грустью томимая странной,
Бродишь ты в парке одна... —
Сизые клочья тумана,
Пруд, и дворец, и луна...

Струи звучали напевно,
Падая с мраморных плит.
Тихо и грустно царевна
В звёздное небо глядит.

Мы не увидимся снова!
Небо пылает. Смотри —
Гаснут виденья былого
С этой полоской зари.

Что твоим сердцем владело?
Волей пророческих снов
Взгляд ли ты бросить посмела
В сумрак грядущих веков?

В небе таинственно тает
Лилия жёлтой луны,
Фивы, под ней расцветая,
Видят волшебные сны;

Гаснут на бронзовой двери
Искры ушедшего дня...
Боги, пошлите Амнерис,
Светлую веру — в меня!

1962, 1970

ДОРОГА ЗВЁЗДНОГО ОГНЯ

Бег космических дней
нагнетает пространства во мне,
город дразнит во сне
ожиданьем мишурных побед...
Я устал от мечты,
безупречной, как утренний снег,
я устал от себя —
этот мир посвящаю тебе, —
этот миг! —
этот день! —
эту жизнь! —
посвящаю тебе.

декабрь 1963

1

Мне снятся тревожные сны:
мелькают знакомые лица,
из млечной встают глубины
родные уста и зеницы.

Глаза непомерно близки,
в них дремлет космический гул...
Мне страшно... Мир не был таким!
Мне страшно на звёздном снегу!

А ты — ты не видишь меня!
В безмолвном крушении миров
тебе не узнать, не понять
моих внеземных катастроф!..

Мне встречи с тобой не дано:
я слишком душой на Земле.
Разлука легла за спиной,
размахом космических лет.

Питомцы далёкой Земли,
уйдя в эту Млечную высь,
мы — врозь: между нами легли
полтысячи лет... — *световых!*

Но ты неотступно глядишь,
и я этим взглядом влеком...
Дрожит у тебя на груди
галактик сверкающий ком...

4.01.64

2

В даль миров неоткрытых
я, как прежде, лечу.
Нас влечёт по орбитам
гравитация чувств.

Но и ты одинока
на межзвёздном пути.
Нас осталось немного
в этом сонме светил.

Разбросали по миру
нас капризы судьбы.
Мир невиданно вырос,
только я не забыл:

там, в бездонных просторах,
на орбите Земли
ждёт покинутый Город,
как весны — наших лиц.

7.01.64

3

Так без слова вошла —
так открыто вошла
 в наши души вселенская власть!
В два крыла
 опрокинутой бездной
 легла в нас широкая мгла, —
навсегда? —
 мы родились всего лишь людьми...
Навсегда? —
 в сердце входит стальная игла...

Всё. Прости.

Я великую тайну постиг.
Я случайно, без мысли, проник
в заколдованный круг,
в заповедную правду твою.
Будет строгий январь —
мне послушен один лишь июль.
Звёздный мир так велик!
Я с тоской ухожу
в пелену
галактических вьюг,
я не скоро вернусь,
я, наверно, не скоро вернусь...

20-25.01.64

4

Ты сама нагадала *январь*...
Город в сумраке сказочно тих.
Как сосульки, свисали слова
с крыш болезненных мыслей моих...

Из слепых галактических бездн,
из пожравшего время жерла
под насупленный полог небес —
под шатёр наших детских небес! —
ты по первому зову пришла...

И кружился над городом снег,
и светились дома допоздна...

И встречаясь с тобою во сне,
я боялся тебя не узнать...

27.01.64

5

...А ты была другою на Земле!
Нам обещали звёздные просторы,
и, полные единым ожиданием,
мы с неба не сводили жадных глаз.
Теперь оно понятнее и ближе,
теперь оно щедрее обещает,
теперь оно — во всём охвате — наше,
но ты была другою на Земле.

Мне снится: я вернулся, я брожу
по улицам Единственного Города.
Здесь всё по-прежнему, хотя прошли века, —
столетия, как дни, прошли над ним...
И — пуст мой Город: ни души, ни звука...
Являются в каком-то новом свете
родные мне с младенчества места,
я должен что-то вспомнить и — не в силах,
я слово заповедное забыл.

Бреду гнетущей пеленою улиц.
Мой каждый шаг, мой каждый вздох
— как в храме —
разносит неестественное эхо...
А над собой я слышу голос Друга:

— Ты здесь чужой,
ты предал! Уходи!
Нет родины тебе, нет имени тебе... —
Щемящею тоской захватывает грудь,
нет сил, дрожу...
Бежать, искать спасенья!
А улицы хохочут вслед — беги!

Я обречён, я проклят: в этом мире
ни жизни мне, ни смерти не дано,
даны твои глаза, но ты меня не видишь —
ведь ты была другою на Земле.

27-28.01.64

6

Июль земное пестует во мне,
играет красками закатов...
Я стал сильней,
но ведь и он — сильней,
чем был когда-то.

Июль твердит, что небо — западня,
манит,
и я уже не властен
играть — в укор бегущим дням —
его привидевшимся счастьем...

Теперь — моей душе фантомы вьюг
милей весны поюсторонней...

Я не ловлю уже июль.
Январь сосульчатый, любовь мою,
его живую звёздную струю
по капле соберу в ладони
— и не пролью.

Вернуться!
Звёздный шлейф распорот!
Вдали, предметом всех тревог,
вращается орбиты ворот,
зовёт невыдуманный Город,
и мы живём в чужих просторах
латыню имени его.

Вернуться! Это слишком много
и слишком мало для меня:
ведь мне обещана Дорога —
Дорога Звёздного Огня,
ведь мне заведомо открыты
все вехи пройденных дорог,
и на изученных орбитах
не отыскать иных миров...

...Промолви *нет* — одно лишь слово —
и в нарастающую даль
мы, не узнав друг друга, снова
уйдём, как, дети, навсегда.

30.01.64

7

Там, на нашей планете,
Город ждёт этих строк —
он загадочно светел,
он таинственно строг;
он огромен, как бездна,
и вдали от него
вспоминать бесполезно
даже Имя Его. —
Знаки тонкой латыни
врезать в звёздную синь?
Ну, а здесь —
 небо в души нам хлынет, —
лишь лицо запрокинь.

январь 1964

8

Город ждёт этих слов —
 не под силу молчание мне.
Это — вам,
 кто по-рабски склонён
 перед дланью Судьбы.
Мы ведь были детьми —
 это значит: мы были умней —
обвиняю в измене
 того, кто об этом забыл!

21-30.01.64

День возник и погас,
по-осеннему строгий
и открылись для глаз
вехи звёзд на *Дороге*.

Но не тронет ума
эта звёздная россыпь;
я всемогущ, как маг,
всё сложилось так просто:

я живу и теперь
там, на нашей планете,
простирая к тебе
вёрсты новых столетий.

4.01.64

ПЛАЧ О ПОГИБШЕМ ГОРОДЕ

1

Годы провалами улиц
В душу ко мне заглянули,
Так по-осеннему строго
Тенью легли на дорогу —
Жди, мол: тобою гонимы,
Мы не проходим бесследно! —
Всех нас заботливо примет
Город таинственно-бледный.

Город! Гранитная глыба —
Ни обойти, ни объехать...
Память вчерашних ошибок
В нём поселилась, как эхо.
Улицы. Ромбы кварталов.
Ламп убегающих нити...
Нам в переулках осталась
Магия звёздных наитий.
Милая! Город бесцельный
Искры твоей не заметит,
Только с тобой — нераздельно
Связан он нитью столетий!
В городе мы неприметны:
Город — как небо, огромный...
Милая! Город бессмертный
Каждое слово запомнит.
Город себе не изменит,

В городе царствуют тени,
Белые блики рекламы,
Глаз лихорадочных пламя...
Ходят красивые люди,
Говор их злобно циничен,
Лоск утомительно нуден...

Это наш храм, Беатриче!

2

Этот город хрупких очертаний!
Этот город призрачных громад!
Ночь рисует контур каждой грани,
Тени режут линии оград.

Ночь неслышно входит в этот город,
Ночь приносит жёлтый лунный блеск,
Рано опускает в окнах шторы,
Стелется украдкой по земле.

Скажем этим улицам спасибо!
Нам открыли сумерки на них
Город неразгаданных улыбок,
Город полусомкнутых ресниц...

Я во власти мглы литых каналов,
Я во власти бронзы этих слов...
Друг мой, ночь нам много обещала —
Будем свято верить в эту ложь!

Протяни мне руку, Алигьери,
Мы пройдем по улицам вдвоём,
Я тебе прочту на каждой двери
Имя искромётное твоё.

В приглушённом шёпote столицы
Сплетни будут реже день за днём;
Каждому сегодня ночью снится
Правда о величии твоём, —

Этих дней немая вереница,
Этот мир, где зримо ты живёшь, —
Снится отражение на лицах
Взгляда, вызывающего дрожь...

— — —

Будет ночь, стремительно и лживо
Намечая чары темноты,
Беспредметной грустью так красиво
Рисовать случайные черты;

Будет город, грустно безучастный,
Нас манить стенанием Сирен;
Будет звать, томительно и властно,
Откровенным пафосом измен... —

Смутно верю, что на вызов этот
Я скажу затверженное нет,

Лишь поднимет зарево рассвета,
Как ресницы, шторы на окне.

3

Там, в центре, город жутко симметричен
Рекламами, витринами, стеклом, —
Святылище померкнувших величий
С веками превращается в Содом.

И только Зверь, по-прежнему сурово,
Проходим в очи смотрит день и ночь —
Как будто снова призраки былого
Вернуть на землю бронзе суждено...

А столп застыл в предчувствии рассвета,
И в наступившей звонкой тишине,
Заря, уже поднявшаяся где-то,
Я верю, не забудет обо мне...

К Венеции брезгливо безразличен,
Поддавшийся нахлынувшей тоске,
Незначашее имя Беатриче
Черчу на подсыхающем песке...

1962-1963

ДОРОГА НИКУДА

(Вариации на тему А. Г.)

...Я заметил, как вздрогнула Эли,
Да, клянусь, я заметал один,
Как она подошла к акварели,
Чуть задёрнутой штофом гардин.

Тут без слова, без звука, без жеста
Все глаза обратились к стене,
И молчаньем, и скорбью протеста
Холод дня всколыхнулся во мне.

На картине, таинственно-строгой,
Так тревожно дрожат облака,
И уходит с равнины *Дорога*,
Поднимается в дымный закат.

Нам на синем играющем фоне
Приоткрылась грядущая даль...
Но никто не увидел — не понял —
Что *Дорога* ведёт *Никуда*,

И никто не нашёл на *Дороге*
Неприметной фигуры — моей —
Потому что до боли убогим
Я себя обнаружил на ней...

1962–1963

Луна поселилась в кирпичной трубе,
луна включена на фонарном столбе,
луна, улыбаясь, пришла на карниз,
луна по карнизу спускается вниз,
котёнок играет с луной на полу,
луну на подносе приносят к столу,
луна в сковородке шипит на плите,
луна расплылась на чертёжном листе...

...Не проснуться ли мне?
Надоели сны.
Комом в горле стоит строка мне...
Эй, кто там? Ловите осколки луны —
это я в неё бросил камнем.

1963

Здесь, на нашей планете,
так минуты спешат!
Кто торопит столетий
нарастающий шаг?

Кто считает, как бьётся
наше сердце в груди,
и, считая, смеётся
над смешными людьми? —

— Удручающе мал он,
вам отпущенный срок.
Вы бредёте устало
пеленою дорог.

Вам самим же сомнителен
смысл ужасного сна —
для чего, объясните,
эта жизнь вам дана?! —

Очертанья столетий
на дорогу легли.
Стали взрослыми дети,
дети древней земли.

Всё, что можно, открыто
на Земле и Луне.
Мы меняем орбиты
отдалённых планет,

корабли посылаем
в галактический мрак
и с трудом вспоминаем,
чем томились вчера...

Но по-прежнему встречным
остаётся вопрос:
для чего, человечество,
твой неистовый рост?

1963

ДОЛЬМЕН

Время! Ты слышишь голос
Столетий, давно минувших.
В нашем канувшем веке
Мы не знали таких дорог,
Которые дали бы сердцу
Счастье забыть о тебе,
Которые дали бы людям
Право помнить о нас.
В расцвете юности нашей
Мы слышали слишком ясно
Поступь твоих минут —
Минут таких же бесценных,
Как самое красивое чувство.
Время, тебе в укор
Мы оставили здесь этот камень
На суд надменных потомков,
Равнодушных к ушедшим.

В нашем канувшем веке,
Слушая ход светил,
Мы однажды решили, Время,
Юными навсегда остаться,
И — не оставив имён —
Мы оставили здесь этот камень —
Как вызов тебе, о Время,
Как символ нашей победы, —
Ведь тебя побеждает, Время,
Только самое красивое чувство.
Здесь, над этим дольменом,
Однажды, за руки взявшись,
Мы тихо ушли в закат.
А когда нас не стало, Время,
Ты закат собрало в ладони,
Чтоб пролить над вечным камнем
Багряную скорбь столетий.
Время, ты слышишь нас?
Тени бледные наши
Останутся здесь навеки,
Чтобы, за руки взявшись,
Всегда смотреть на закат.

июль 1962

Твёрдой рукой с листа сотру
последние грёзы дня,
а ночью уйду —
в леса, к костру,
к людям, зовущим меня...

Быть может, сумею
забыть восторг
туманных твоих ночей,
мой город, далёкий с недавних пор
пророческой мглой своей...

1963

Разметались в небе локоны заката,
Затерялись в рыжих клочьях облаков...
Знаю, что незримо где-то здесь прошла ты —
Как же не услышал я твоих шагов?

Скоро станут зори ярче и короче,
И, быть может, ночи будут ярче дней —
Если я проникну в тайну дивных строчек,
Тех, что написала ты недавно мне.

В новой нашей встрече небо виновато —
Видишь, как зловеще светел небосклон:
Это отразилась в зеркале заката
Грусть осенних листьев, ломких, как стекло.

И уже не страшно, если в сердце мне ты
Уронила горечь боли и утраты, —
На моих дорогах так светлы рассветы,
Так всечасно ярок скорбный лик закатов...

21-23.06.62

Мой побеждённый друг, ты победил —
Не забывай отчаянья победы!
Грядущее идёт за нами следом,
А прошлое маячит впереди.

Мой побеждённый друг, она сейчас,
Уже сейчас простить себе не смеет,
Что разрешила веско промолчать
В ответ на вызов, брошенный так смело.

Ты победил, покинув поле боя.
Она не сразу даже поняла,
Что ты не всю тоску унёс с собою —
Вы честно поделились пополам...

1961-1962

В парке так же тихо. Синий-синий вечер.
Медь последних листьев падает с ветвей.
Кто-то в тёплом небе зажигает свечи
И роняет людям холод их лучей.

Алой полосую дали пламенеют,
Сосны устремились в синий небосклон.
В парке так же тихо. Там, в конце аллеи,
Женская фигурка, стройная, как клён.

Нас напрасно случай сводит неустанно,
Мы не ищем встречи, всё прошло, как сон.
Нам осталась память осени туманной —
Образ твой навеки в ней запечатлён.

Видишь, всюду осень! В этот вечер ясный
Медь последних листьев падает с ветвей —
И воспоминанья только тем прекрасны,
Что вернуть не в силах мы ушедших дней.

1961

Я помню наизусть слова признаний —
Их не забыть, не выбросить, не сжечь.
В моей душе — неизъяснимый танец —
Живёт печаль случайных наших встреч.

Года пройдут и, растворясь в закате,
Не принесут ни горя, ни стыда,
И только сердце грустью мне заплатит
За каждый миг, ушедший навсегда.

1962

Весна — это просто, прозрачнее сна,
неверная нежных ночей пелена,
и лёд, уступающий плеску волны,
и то, что надеждами души полны.
Мы дети весны — и в порыве своём
мы верим в наивность и мудрость её.
Весна — в неизбежности истин земных
и даже в самом ожидании весны,
а может, в тревогах огромного дня,
а может, в девчонке, забывшей меня...
Весна — это значит: дорога ясна,
и цель неизбежна, и даль не страшна;

весна — это город без края и дна,
которому только улыбка нужна...
Весна — это даже немножко смешны
и самые мысли о чуде весны,
ведь в наших сердцах торжествуют стихи —
стихи, этот синтез весенних стихий!

май 1964

Последнее лето детства,
ещё дававшее право нам
на сказочное
надеяться
в унынии своенравном, —

отошло, растворилось, тревожное,
искреннее, как снег,
в наших душах, ставших строже к нам —
и, должно быть, умней...

Оно отошло. Я вижу его.
А что нам предложит взамен
осень, девчонка рыжая,
рыжая, как Кармен?..

1963–1964

Звучные капли упали,
Брызнув на мутные стёкла.
Вижу сквозь мокрые стёкла
Города серые дали.

Чёрного вечера чары,
Звучная поступь прохожих...
Вглядываются в прохожих
Тусклые тротуары.

Там, на слепом горизонте,
Тучи сомкнулись без силы...
Дождь барабанит уныло
В твой прохудившийся зонтик.

1961

ПИСЬМО О ВЫПУСКНОМ ВЕЧЕРЕ

Т. К.

В городе дымный след
нам
оставил закат.
тенью легли по земле
контурь облачных скал.

Мы детство с собой унесли.
Всё стало
таким простым.
Тенью в сердца легли
юности нашей черты.
Слышим мы каждый шаг
в гулких провалах улиц —
это город звенит в ушах,
будто и впрямь вернулись
грёзы ушедших лет,
будто, дети, мы только уснули,
закутавшись в звёздный плед...

Ты. И город.
А ночь —
ночь дымно-туманных картин,
ночь провидческих снов, —
где-то уже в пути.

Таёт в туманной дали
улиц тревожная тень...
Странно, что мы
друг друга нашли
в этот последний день.

1963

ОСЕНЬ В КАРФАГЕНЕ

(1964-1967)

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ

Пять лет шли мы рядом — и в каждом бою
тебе посвящал я всю ярость мою:
всю боль поражений, всю радость побед
я нёс на алтарь моих дум о тебе.
Пять лет — только степь да курганы кругом,
пять лет мы сражались с отважным врагом.
Гремели копыта, взлетали клинки,
за тучами стрел выросли полки,
и утро вставало чернее, чем день
зарёй от сожжённых врагом деревень...

И — нет тебя более рядом со мной!
Заря. И враги подступают стеной, —
и вот он, не чаянный мною конец,
и Смерть прискакала на белом коне...
Склонилась, в глаза мне взглянула, как мать:
— Ты ранен? Ты предан, я знаю сама!... —

А шлемы сомкнулись железным кольцом.
Я встану, чтоб встретить как надо, в лицо,
я встану — и всё, что успею, воздам!..
Ты видишь? В Заречьи горят города,
и плач в деревнях, и оковы звенят...

Как здравствуешь? смеешь ли очи поднять?

1965

Такой туман, что не слышать копыт.
Столбом стоит сиреневая пыль.

Ни светляка в небесной тишине.
Один скачу на взмыленном коне.

Ни зги кругом. Доколь хватает глаз —
фантомы сумрачно-туманных масс.

Но вот огни! Коня пускаю в рысь —
вдали горят полночные костры.

Вёрст десять будет. Путь ещё далёк,
А на курганах лютый враг залёг.

Он любит ждать, он бьёт наверняка!
Вёрст пять осталась. Даль уже близка.

Степняк привычный целиться устал.
Горят костры! Уже всего верста...

Ещё не поздно повернуть назад!
За мной следят холодные глаза.

Мгновение — ворвусь я в светлый круг
в кольчуге стрел... я у своих умру!

...Во мне встаёт полночная заря.
Горят костры... твои глаза горят...

1965

Я — жертвенный бык.

В неоглядных садах,
похожих на лес, я, священный, живу.
Я бог... А за низкой оградой стада
такую же сочную щиплют траву.
Там солнце, и небо, и ветер — для них,
их рыжие спины ласкает закат.
Под вечер куда-то уходят они,

и грустно, прощаясь, коровы мычат.
А я одинок. Только в сумерках дня
суровые старцы в одеждах жрецов
всегда без ошибки находят меня,
и я уже каждого знаю в лицо.
Стирают мне пыль с золочёных рогов
и чистят упругую шкуру мою.
Я жертвенный бык.
На двенадцатый год
меня в честь Великой Богини убьют...

Полночной порой
в околдованный зал,
где быть не дозволено даже царю,
иду в благодарных счастливых слезах —
припасть на мгновенье к Её алтарю.
Мне радует душу алтарный огонь,
я к Деве нездешнею силой влеком
и мрамор священный — Богини ладонь —
лижу я шершавым своим языком...

Всего только раз — я не в силах забыть! —
был взгляд этих глаз на меня обращён...
Я предан Богине. Я жертвенный бык.
Я ей посвящён.

Я Тебе посвящён.

1966

Разлетелись чёрною стаей
птицы гарпии, волооки...
Ты такая теперь, такая,
как бывают одни лишь боги.

Необъятное, непростое
в наши земли вторглось разладом.
Видно, радости я не стою...
Но и чести большей не надо.

...В неоглядных полях печали
хищной стаей сидят, жестоки...
Вознесён толпой, облачаюсь
в багряницу жреческой тоги.

Недоступен, с лицом суровым,
исполнитель тягостной роли,
поднимаюсь в венке лавровом
на торжественный Капитолий.

Захлебнусь я хвалебным вздором,
подавлюсь бредятиной славы,
если ты не придёшь на форум,
не простишь площадной забавы.

Разве это было в начале?
Разве не были мы — как боги?

В неоглядных полях печали
детских грёз упали чертоги.

Значит, в лучшем встретимся месте!
...Где ты, мой закадычный друг?
Смерти просит душа, не лести.
Поспеши, избавитель Брут!

1965, 1970

Распятие и плаха. Взгляни на меня, Беатриче!
Я знаю, что жизнь моя — жалкий и лишний пустяк.
Но вечность — моё. Я отныне и впредь — без кавычек, —
пусть годы, как головы, в мёртвое небо летят.

От ереси не отступлюсь. Умираю, не каюсь.
Стоит над Флоренцией чуткая белая ночь.
Спускаюсь к Неве, спотыкаюсь о небо — и камни
могильным покоем спешат поделиться со мной.

Я строил воздушные замки, я строил химеры!
Не первый стою я над смертью, а город молчит.
У города сплин и от ямбов расшатаны нервы.
Никто здесь тебя не услышит, кричи не кричи.

Флоренция праздников требует, хочет оваций,
ей зрелищ подай, крокодилов, слонов, какаду.
Я тенью прощальной приду на Большой восемнадцать,
но там — ни души... Там на казнь обречённых не ждут.

1966

...А вот уже и площадь Льва Толстого...
Испуга нет и удивленья нет,
лишь ямбы, полусонные, как совы,
заброшенно скитаются во мне...

Виденьями насыщена минута,
слезами детских заповедных мест,
но сердцу подвиг предстоящий — жуток.
Шепчу, бодрясь: *alea jacta est*...

Январь, как сфинкс, застывший на пороге,
на подступах к заветному во мне,
вздывает ассирийские чертоги,
молчит и ждёт, и наметает снег.

Эдемом — стёкла мёрзлые в трамвае,
я в них — Адам, я неопровержим,

но Евою тебя не называю,
и Стиксом Карповку не называю,
и мир заснеженный за окнами лежит...

1966, 1970

Закатно мне, —
 не печально, не радостно.
Стоят стихи, как деревья сожжённые.
Стоят, как *круги единичного радиуса*,
на себя же
 конформно отображённые.
За окнами — клочья неба досужего:
качается стужа —
 крыльев взмах...
Кружится, видишь?
 кружится, кружится
последняя моя зима.
Ветер носит, кружит
 нечто крамольное:
вздохи,
 звёзды,
 мечты — над словесным гравием.

Но —
ты знаешь, что всюду царит гармония,
и что всё совершается в мире правильно,
и что вся моя вера в тебя —
случайное
струн брэнчанье,
ребячество, одичание...
и ещё —
какого цвета отчаянье
и какие глаза у него отчаянные.
Ты ведь знаешь?
Отчаянье —
белое-белое,
за окошком хлопьями
падает, падает...
Чем ещё пространство осиротелое
нас порадует?

1965

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В нашем парке сосны, как подсвечники,
тихо дожидаются меня.
Я убью тебя осенним вечером,
на исходе ласкового дня.

Будет небо светлое, как песня,
над тобою, — баюшки-баю.
Я потом пойду
 в кафе Ровесник
и пропью стипендию свою.
За полночь явлюсь я к другу Вовке,
мы вдвоём поплачем обо мне,
а затем намылю я верёвку
и повешусь в парке на сосне.
Прокурору — сплетни и сомнения,
и хоть, в общем, мне заботы нет,
всё же я за час до преступления
настрочу записку в комитет:
— Перед тем, как на сосне-подсвечнике
ветер стал раскачивать меня,
я убил её — осенним вечером,
на исходе ласкового дня.

1965

В физике, в том мире
вечных категорий,
я — последний лирик
под ножом истории.

Там, на шаткой лесенке
интегральных истин,
каждый шаг — как лезвие,
каждый взгляд — что выстрел.

Но Декарт лукавит,
и тебе, материя,
пусть мой стих предъявит
вотум недоверия.

1966, 1970

СЕССИЯ

Весна грустна — моё упущенье!
Не до сна. Недочёт. Надежд усечение.
Белена
по орбите, близкой к расчётной,
течёт, влюблена в своё течение.
Просчёты множатся —
континуум? счётное?
Весна отвешена, как пощёчина
(вчера, сдавал теорию множеств —
сегодня бы два на два умножить).

Расслаблены члены,
сомкнуты челюсти,
мечты никчёмны —
добыча челяди.
Вопреки врачам,
вопреки учебникам,
вопреки увлечениям
кем- и чем-либо
безумный век сей —
ковчег рефлексий!
Сажусь в ковчег,
стыдиться нечего:
я человек,
клочок человечества,
неба клочок да больная печень —
в нуле конечен,
покрыть мя нечем.
Мой текущий счёт
на газовом счётчике
течёт, течёт —
чего ещё тебе?
Он, счётчик, циник:
сияет цинк,
цифр нарастающие столбцы,
крутится вихрь — останови их!
А в июне
экзаменатору-Вию
два ассистента подымут веко —
вот она, ересь! и нет человека...

Вопреки врачам, вопреки учебникам
мою печаль
облегчите чем-нибудь!

1966, 1968

СТУДЕНЧЕСКАЯ

На физ-мехе время взахлёб течёт,
и пространство — непреткновенное.
Звездочёту завтра сдаём зачёт.
Вам —пельменная, нам — вселенная!

Вдоволь выспался — жизнь свою проиграл.
Отмерцала Веспера реплика.
Как хорей, пленителен интеграл,
как анапест — эллипсы Кеплера.

Покати шаром, притяженье тел.
Погоди, сердец электричество.
Только вам бы век я служить хотел,
уравненье, ваше величество!

Несложна любовь в девятнадцать лет,
не из самых трудных задание:

интеллект помножить на интеллект,
поделить на квадрат расстояния...

1966, 2006

ПИСЬМО

Вот ежедневное начало
деепричастья моего:
вы возле садика на Малом
садитесь на сороковой.

Как одинокая волчица,
заря над городом бежит,
трамвай по Карповке влачится,
по Сердобольской дребезжит.

Вы приезжаете, вы рядом —
но всё равно, но всё равно
когда-то, словом или взглядом,
всё основное решено.

Кричит аудиторий кречет,
у вас зачёты на носу,
но деканата чёт и нечет
нас друг от друга не спасут.

Вы, милая, другим наука,
и вам идёт наука впрок.
Для вас досаднее недуга
моё скандальное перо.

Я леший, я не чту приличий,
я лишний всюду, там и тут.
Я мелкий бес политехнический,
чертог науки я не чту.

Вам не уйти от святотатца,
не отвертеться от вины.
Мы встретиться и расквитаться
за шалость детскую должны.

И мне доподлинно известен
тот факт, простой, как соль земли,
что вам не улизнуть от лести,
а мне не миновать петли.

1966, 1970

Ничем не примечательна минута.
В бездонном коридоре института —
всегдашний полдень, суета и гам.
Тут всем сестра́м даётся по серья́м,

по перстню — молодцам и шалопутам,
и только мне лузга не дорогá...
Лица не поднимаю от тетради.

Как зверь в лесу исконного врага,
тебя в толпе я чувствую, не глядя.

3.04.66, 1970

ПОЛНОЧНАЯ ЗАРЯ

Весна играет скетчи
в твоём дворе пустом.
Приходишь ты под вечер
в свой коммунальный дом.

Стоишь впотьмах — и знаешь,
что ты обречена,
садиться, злая-злая,
у чёрного окна.

А за окошком тени
и полутёмный двор —
и никаких сомнений,
и вовсе ничего.

Глаза твои всё строже
и губы всё бледней —
и ты уже не можешь
не думать обо мне.

И даже засыпая
тоски не отогнать —
ты знаешь, злая-злая,
что ты обречена.

Во сне ты видишь горы
и сосны при луне,
и я, как вещей ворон,
уселся на сосне,

и пляшет без оглядки
полночная заря,
и мы играем в прятки
двенадцать лет подряд.

Я реплики, как перья,
роняю на ветру.
К сосне приходят звери,
салятся в полукруг.

У них, наверно, тоже
у каждого — своё...
Уходим осторожно,
чтоб не спугнуть зверьё.

...Во сне ты рада встрече,
довольна ворожкой —
и знаешь: близок вечер,
назначенный судьбой.

1966

Закат не разменял своих регалий —
он весь ушёл в сосновый гребень парка,
где как-то, век назад, я встретил ***,
наивную, жестокую дикарку.
...Но где она?
По дымным городам —
мороз и зной, и ровный гул земли...
Зелёные, как змеи, поезда,
машины, самолёты, корабли
и крылья грёз, — откликнитесь, куда
вы злое моё счастье унесли?
Не стану я бродить по белу свету,
блуждать по спинам выгоревших карт...

Ты знаешь, ***, вот уж третье лето
у института умирает парк.
Стареют наши сосны — наша юность, —

шатёр вечнозелёный обветшал,
стволы под ветром не поют, как струны...
Без нас — им стало тяжело дышать.
Парк будет лиственным. Весёлым будет.
Вольют берёзы ветреность свою.
А сосны несгибаемы, как люди,
и умирают в сомкнутом строю...
Не приезжай. И я уеду тоже.
Нам столько лет, что нечего делить,
но будь мы хоть на целый век моложе,
мы б всё же непременно разошлись.
Я больше не певец самораспада,
не жрец политехнического парка,
мой храм развеян, мой алтарь не задан
тремя координатами Декарта.
А всё-таки, судьбою обворован,
в моих стихах не разлучусь с тобою —
покуда в парке, с небосклоном вровень,
как люди, сосны умирают стоя.

1966, 1970

ФИЗИКИ

Набегают волны электричек
на густые сумерки вокзалов.
В городе остались Беатриче
и разлука, а меня — не стало.

Обо мне ещё вздыхает эхо
в глубине одной из старых улиц.
Я на самый край земли уехал —
на полмира рельсы протянулись.

Здесь зима. Морозы минус тридцать.
За окном — рукой подать как близко —
очи нашей признанной столицы,
светятся огни Новосибирска...

Беатриче этот факт известен:
я в страну своей мечты уехал,
в те края, куда собрали вместе
мальчиков с физфаков и матмехов.

...Сплю и вижу: вот я снова дома.
Невский до смешного непривычен.
Почему-то на углу Садовой
я опять встречаюсь с Беатриче.

Нам вдвоём торжественно и странно,
вновь открыты и сердца и лица, —
и забыт удельный вес урана
и неоны северной столицы,

и почти застывший ртутный столбик —
там, где на заснеженной земле
бьются лбы, блестящие, как колбы,
над решением мировых проблем...

...Говорят, я всё забуду скоро:
Вспоминать здесь некогда и негде...
...Беатриче раздвигает шторы
в старом доме на Большом проспекте.

1964

Осенний ворох слов, сомнений ворох.
Безумствуем, с решеньями спешим...
Вот ты ушла...
А мне остался город
рядой своих кубических вершин,
ущелья улиц, переулков норы...

В сырую ночь, с асфальтовых пустынь,
с полей, впитавших городскую сырость,
я возвращусь в обитель немоты,
в пещерный мрак моей пустой квартиры.
Здесь гулким эхом отдаётся вздох,
а тишина
насыщена отчаяньем,
и телефон, брыластый, как бульдог,
на привязи скучает, сыт молчанием.

А если сдуру и нарушит тишь,
зальётся радостным никчёмным лаем,
не подойду —
ведь ты не позвонишь,
и я давно и твёрдо это знаю...

Мы с городом останемся вдвоём,
проникнусь я его молчаньем жутким —
и рядом с ним молчание твоё
покажется мне безобидной шуткой...
Переживу
и боль, и мрак, и морок...
В асфальтовых полях моей души,
как часовой, стоит на страже город
грядой своих кубических вершин.

1965, 1970

Чьи-то губы мне ближе твоих,
а кому-то — твои.
Но закат — это нам на двоих,
это храм на двоих.

Жаль, что наш заколдованный круг
ты забыла, мой друг!

Жаль, что вновь не протянешь к костру
этих зябнущих рук...

И куда нас уводит тропа
от заветных лампад?
Пролистав наши души, пропал
листопад, листопад...

1966

Когда-нибудь, рассудочен и сед,
в другом краю припомню я без боли,
как я в слезах глядел любимой вслед,
смешон, высокопарен и безволен.

Она явилась из другой страны —
из Зурбагана, из отчизны Грина,
где грёзы в тесный кокон сплетены
под парусами не из парусины.

Она прошла как откровенье дня,
как если б мир шагнул в зарю из тени,
конечно, не заметив ни меня,
ни моего дурацкого смятенья.

Не посмотрела в даль закатных вод,
где одинокий парус мой алеет...
Когда-нибудь моя мечта умрёт,
а я остепенюсь и повзрослею.

1965, 1970

РАЗГОВОР С ДЕДОМ

Подбирают к эпохе эпитеты,
об эпохе с апломбом беседуют,
с аппетитом

эпоха выпита

и съедена

букводами.

За наплывом пустых,

надоевших строк

поди разгляди сквозь мрак ты,
где

закрыли от нас мишурой

существо

обнажённого факта...

Брошен я,

забыт,

до костей раздет,

без единой мысли в кармане.

Может, выручишь внука, дед,

ты,
ушедший в старый стенной портрет?
Помоги! Одолжи вниманием...
Я по горло ползучей пошлостью сыт,
ты — знавал времена всемирные! —
френч, три ромба,
щёточкою усы —
из тридцатого года
вынырни!
Зря, выходит, потоками кровь лилась,
нам достались
кочки болотные.
Где она, твоя народная власть,
братство с равенством
благородные?
Нам теперь от старших помощи нет...
— Помолчи-ка, внук! — говорит портрет. —
Помолчи! —
да мозгами раскинь. Отрицать —
мелко. Люди
глубже устроены.
Видишь ты честолюбца да подлеца,
выставляющихся героями,
видишь ты предателей легион,
палачей да ночных налётчиков,
а предатель —
тот, кто в себя влюблён,
и палач хорош —
из начётчиков.

Для тебя обманутый — идиот,
обманувших рой — партократия...
А герои — были. И был народ,
совершивший
 невероятное.

Круглый год,
 забывая про отпуска,
мы в поту работали до ночи,
чтобы нам потом грехи отпускал
Иосиф Виссарионович.

Не на кочке ты — оглянись вокруг —
даром что ли в мыслях свободен ты? —
ты одет и сыт, мой учёный внук, —
икс да игрек, да рифмы модные.

Мне б
 твои науки да твой досуг...
А про нас —
 ты глядел, да плохо!

Дай-ка, внучек,
 я на тебя взгляну... —
И глядит.

 И в глазах у него — эпоха
в натуральную
 величину.

1964, 1970

У революций есть давно забытый навык
вносить в сердца

заоблачную высь —

чтоб были Времена,

и были Нравы,

и были Люди

с ног до головы;

и чтобы знать, что цели оправдали

народных жертв

трагический размах,

и чтоб потом историки писали

исследований толстые тома;

и чтобы нам, кто опоздал родиться,

достался вдруг весь груз избитых фраз,

вся белена ханжей, весь лом традиций,

забытых и опошленных вчера...

У революций есть

бессонная работа,

а ты, потомок, прячься и молчи,

когда гигантов судят готтентоты,

когда поэтов душат палачи...

...Они ошиблись? Их ошибок было
на грош от тех, что принесла к войне
Россия, взмыленная, как кобыла,
с невероятным грузом на спине.
На них тома взирали, как Эзопы,

они понять не смели, смущены,
безумного движения Европы,
раскатов неминуемой войны.
На них катились толп Сарданапалы,
сносили перекрытия доктрин...
На них снаружи что-то надвигалось,
и что-то надвигалось изнутри.
Ещё далёк проклятый сорок первый,
но, завершая европейский цикл,
по до отказа напряжённым нервам
под маской рвения к нам пришёл — фашизм.
Пришёл — и умер в мужественных душах,
и распустился в душах подлецов,
и — превратился в безысходный ужас
для не узнавших страшное лицо.
Так чёрный дух толпы пошёл на приступ
высот, добытых кровью и трудом, —
и здесь, как там, пытали коммунистов,
а за евреев принялись потом...

...Пора признаться — что же тут такого?
Не хватит ли цитатами бряцать?
Ведь, право, не один же Шостакович
весь этот ужас понял до конца?..
Ведь мы полны душевного движения,
и вот она глядит уже на нас —
История,
 задумчивая женщина,
усталостью сухих бессонных глаз...

1965, 1970

КОММУНИСТЫ

Их рожи чисты,
слова зубасты,
глаза когтисты;
язык — что заступ,
душа — что приступ.
Ах, коммунисты!

Они плечисты,
они речисты.
Они — схоласты-
-эквивибристы.
Порой с подсказкой,
всегда с ириской.
сначала с лаской,
а после — с миской.

1965

КОМСОМОЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ

Гудящий, скучающий актовый зал
и глупый президиум за столом,
и я выхожу... и твои глаза —
и, значит, сейчас же не будет слов.
Я должен канючить, кричать в микрофон —

чем громче, тем лучше — какую-то чушь,
а мне эта кафедра — что эшафот,
ведь ты меня видишь... и я не хочу.
Колотится сердце в районе виска,
из зала — мелькание лиц и рук,
и люстры расплёрсканы у потолка...

Я должен. Иначе меня изберут.

1966

*Какой же я холоп и
негодяй!*

Так бестолково, так неловко
душа устроена моя!
Душа, а душно, как в духовке,
стихи, как противни, стоят.
И я, исследуя анналы
моей Психуши, двадцать лет
ищу в отчаянье Начало —
да, видно, зря: Начала нет.
Но есть концы — в потенциале...
Порой, проснувшись поутру,
так ясно вижу: в одеяле
лежит окоченевший труп...
Июль, а за окошком сыро,

и воробьи, и моросит,
сама собой моя квартира,
в пространстве брошена, висит;
на столике бутылка пива,
у телефона — счёт на газ,
и тощий кот сидит, как вывод,
в моих синеющих ногах...
Конец мой неизменно жалок,
и от вопроса не уйти:
каким же быть должно Начало,
чтобы к такому привести?

1965

ГАДАЛКА

Крестовые дамы
в казённом доме
крест, им данный,
несут, как долю.

Тузы и валеты
в плащах и латах,
и кабриолеты,
и звон, и ладан.

Тасуя жизни,
гадалка судит
дела чужие
и судьбы, судьбы...

Навет преданий
в наш век бредовый —
крестовые дамы
в казённом доме.

Легла эпоха,
как день, на карты.
Я с Малой Охты,
а ты — с Монмартра.

1965

Как мне забыть твои глаза и губы...
Висит туман, роскошный, как виссон,
палаток стадо, и луна на убыль,
и к полночи — костёр на сто персон.

А Волхов катит чёрное и злое,
а в Киришах всегда — то дождь, то зной...
Земля очнулась от палеозоя
для заунывных песен под луной.

Спускалась ночь молитвой святотатца,
вставал рассвет, колючий, как репей,
и было нам с тобою не расстаться —
вот так же, как не встретиться теперь.

...В Гондвану кануло моё былое,
где катит Волхов чёрное и злое.

1965, 1970

Мир потихоньку тает
мимо труб водосточных —
слышишь? кап!

запятая

кап! кап! кап!

многоточие.

Как надоела стужа!
Кто же забыть не рад её?
Кануло солнце в лужи
к нам на Петроградскую.
Смех, воробьиный танец,
почерк набухших почек —
я люблю

запятая

даже очень.

2.04.66

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Помнят разве фонари,
может, Невки воды,
что ты, парень, натворил
на мосту Свободы...

Вышли наши с ней дела
от Адама с Евой.
Эта женщина жила
за мостом налево.

Ах, глаза её узнать
довелось зачем мне!
Их сегодня вспоминать
мне одно мученье.

Только их не вспоминать
вовсе нету силы.
Голосит по мне весна,
точно мать: спасите!

Ходят цепью фонари
на мосту Свободы.
Открываю на пари
уголовный кодекс.

Вот заветная статья —
тут не расквитаться!

Виноват, выходит, я
этак лет на двадцать.

Ну, а если выйдет нам
оборот медали,
значит, вовсе, старина,
поминай как звали.

Оттого-то фонари
на мосту Свободы
от зари и до зари
водят хороводы.

5.04.66, 12.05.70

ЗА ИСПАНСКИМ ЗОЛОТОМ

К чёрту двести цивилизаций
с неумеренностью традиций;
всех, кому наверху сидится,
всех, кому наша кровь — водица,
кто не ленится нагибаться
и сатрапствовать не стыдится!

К чёрту выпрєнную культуру,
сладкогласных поэтов лиру,

многотомную макулатуру
и мешанствующую Пальмиру,
все наследственные порфиры,
все рабочие диктатуры,
всех, кто походя или сдуру
с человека спускает шкуру, —

Слышишь? Ветер гуляет по миру!

1

Ах, море, море, —

кошачьи повадки волн!

Наш дом на холме, и тропинки спадают вниз —
как руки, спадают вниз...

Кипарис —

сок ударил в ствол...

Ты взгляни,

хоть на миг от меня отвернись,

от лица моего...

Ах, море, море, светлая гневность волн!

Милая, ты мне снишься,

даже если ты рядом.

Смотри:

над людьми,

над Красным Берегом,

над зарёй,

над поднимающим паруса бригом —

небо, светлая ниша, —

и небо выльет...
— Мы вернёмся к вам,
мы вернёмся — живые!..

2

Я ухожу. Давай-ка сердце, Биче!
Оно мне пригодится в океане,
а с ним и руку — маленькую руку,
такую хрупкую в моей ладони.
Прощай.
Проститься лучше на рассвете.
Я привезу эскудо и реалы,
я привезу смарагды и стихи,
а ты молись за нас...
У Диких Скал
корма *Линор*... и двадцать не вернулось,
они на дне морском. Но я — вернусь.

Ты знаешь: хоть нельзя никак без моря, —
но и моряк живёт не ради моря,
не выжить в море, если — только море,
прощай же
— и покрепче обними...

3

Я всего только юнга со шхуны *Линор*,
разбившейся на Диких Скалах.
И куда же деться мне?
там — осколки

с непривычки страдающих от бессонницы...
А на палубе пестрели
чёрные и белые спины полуобнажённых тел...
Где вы теперь, отчаянные?
Где вы теперь?
Где?

4

Пришла пора моей печали,
пришла пора, пришла пора...
Моё *сегодня* отвечает
невозвратимому *вчера*.
Я по-мальчишески удачлив,
мне даже верить не хотят.
Но непосильные задачи
всегда решаются шутя —
и в этом гвоздь! И рифма — гостя
на зависть нищим и князьям —
в моём саду срезает гроздьями
янтарный драгоценный ямб, —
и в этом суть, и в этом вывод!
Недаром ведь за триста лет
я — первый, кто вернулся с Гривы
и снова ходит по земле...

(...)

1965

На Невском, под чахлыми липами, валом валит толпа, многолика, стозевна, глуха и слепа, — а рядом, исторгнут из недр мезозойской Земли, лежит динозавр, на передние лапы припав...

Мне друг говорит: — Понимаешь, дела... Извини. Запарка! Бегом на работу, домой, в институт. Нет времени даже подруге своей позвонить. Потом разберёмся... Я думаю, съёмки идут...

Чудовищный зверь, воплощённое наше вчера, проникнутый общею с нами тоской по земле... Наверное, это совсем не легко — умирать под грузом двухсот миллионов непрожитых лет...

Тропический лес отражается в полуслепых, от геологических бездн помутневших глазах. Ведь он, умирая у ног равнодушной толпы, хоть смутно, но всё-таки знает, что он — динозавр...

...На Невском ночами горит электрический свет. Там роют и строят. К Гостиному тянут метро. К утру, всем чужой, в облетевшей с деревьев листве, стоит экскаватор, ковшовый разинувши рот.

1966

ЧЕШСКИЙ ДНЕВНИК

Всё кончено. Осталась только ты.
Мечта теснит законы и основы,
бледнеет Рим от этой правоты,
от этого движенья неземного.

Мечты с лихвою хватит на двоих.
Не говори, что выдумка красива —
вот оправданье вымыслов моих:
твои глаза всемирны, как Россия.

Твои глаза — и сразу всё равно,
и оседают в сердце многоточьем
картины Ждяра, Липницы и Брно
и пражские готические ночи.

1966

1

Печаль имеет цвет и запах,
она, как шпалы, тяжела.
Два дня состав идёт на запад,
раскинув степи в два крыла.

Простёрты реки, словно руки,
под рельсы, млечные, как стих...
Я умираю от разлуки
к концу второго дня пути.

Забыты книги и тетради,
со мной любовь, тоска и страх...
А в вертограде, в Ленинграде,
стоит столетняя жара,

и жизнь вернее философий
преподаёт релятивизм...
Но абсолютен женский профиль
в трёх измерениях любви —

и в этом суть... На мостовые
упали знойные ветра,
и тени ходят, как живые,
в твоём парадном до утра.

Ты утром встанешь — и внезапно
увидишь вместо стен и крыш:
идёт состав на Чоп, на запад,
Россию крыльями раскрыв.

2.07.66

2

Прага, весёлая тайна...
Косы ночь расплетает,
голубиные стаи, усталость,
улица Оплетала...

Прочь, усталые строчки!
Дня впечатленьям мало.

Мы возвращаемся к ночи
на улицу Оплеталову;
прочь, до завтра...
А впрочем...

Мы возвращаемся поздно.
Словно груши на Страгове,
висят весёлые звёзды
над чернофигурной Прагой.
Тают минуты,
тают...
Ночь, по-женски серьёзная,
волосы расплетает.

1966

3

Милой вот уже двадцать... Под крышей, на пятом,
где от солнца — одни пресловутые пятна,
где закон изменения суток не задан,
где мерцает континуум крыш Ленинграда, —
этим утром рассвет,
обещая веселье,
к дню рожденья её наведёт акварели,
а потом, улыбаясь, поскачет по стенам,
словно конь на приколе у телеантенны...
Где она этим утром? Не знаю, не знаю...

Над дворцом президента трёхцветное знамя,
над готическим эпосом узеньких улиц

опрокинута сонная праздность июля...
И какой-то мальчишка решительно даром
пишет глупые письма из города Ждяра,
а потом у него поезда и дороги,
и мелькание лиц, и усталость в итоге...
Ах, читать ей
ни капельки не интересно,
как он бродит ночами по Старому Месту,
как глазеет на мутную быструю реку,
как сидит допоздна в знаменитом *У флеков*,
а потом обречённо плетётся обратно...
Милой весело... Милой другое понятно...

28.07.66

4

Вся Чехия — один кромешный зной.
В вагонах тесно, духота и копоть.
Мы в Липнице. У замка, под стеной,
блаженствует славянская Европа.
На тротуарах и на мостовых
с гитарами, расслаблены на диво,
сидят и бродят молодые львы,
вест-эндские показывая гривы.
Котомки, карты, фляги — на земле,
чекушки в рюкзаках полупустые;
ребята босы, волосы до плеч,
девчонки в джинсах, рослые и злые;
охрипшие от пива голоса,
с утра физиономии в подтёках,

причёски — в стиле нео-ренессанс,
походка — в духе чешского барокко... —

...Шепни из пламени: *святая простота!*..
История безвидна и пуста.

4.08.66, 1970

5. ПРОЩАНИЕ С РОМАНТИКОЙ

Я надену ботинки на толстой подошве
и пойду бродить по планете.
Зной,
или дождь будет плакать о прошлом,
или ветер, —
я пойду по планете.
Не о посохе я, не как странник, —
пилигрим, в капюшоне
от тайных и явных врагов, —
я пройду по земле,
как избранник
олимпийских богов.
На глазах у меня города расцветут, как бутоны,
мир возникнет,
и снова погаснет,
и степи раскинет, как крылья,
и взыграют вулканы,
и вспыхнут речные затоны,
и кентавры, резвясь, возвратят позабытые были...
Это всё
ты увидишь во сне в августовскую ночь.
О тебе я ни слова не знаю, ни слова!

Эта ночь! Берегись —

будет сниться, что вновь
серебром до рассвета звенят по Европе подковы.
Будет сниться такое:

по палубе ходят валы,
и растёт непомерная тяжесть у капера в трюме,
а из форта на шхуну чугунные смотрят стволы,
канониры у пушек стоят с фитилями, угрюмы...
Будет Гамлет

со стен Эльсинора взирать, даровит,
будет Фауст, подавлен, о доле вздыхать человеческой.
Будут гибнуть Роланды...

Ты только не плачь от любви.
Мы друг друга с тобой непременно узнаем при встрече.
Или —

пусть тебе лучше приснится тропический юг,
где туземцы и пальмы,
и ночью красивой и душистой
над чужими морями чужие созвездья встают
и висят между рей

надо мною
как спелые груши,
а под утро бледнеют в отчаянных красках зари.
Пусть приснится тебе
паруса наполняющий ветер.

Вот и всё.

И о снах мы не будем теперь говорить,
слишком много ещё
удивительной яви на свете.

1966, Ждяр-над-Сазавою

6. В ПОЕЗДЕ

До Острavy ещё далеко.
Мы с Пенцовым играем в очко.
Я сижу на тюках у дверей,
ни бeльмеса не смысла в игре.
Мы уселись — ни встать, ни пройти,
То и дело кому-то в сортир.
Извиняются всякий раз,
перешагивая через нас.

А за окнами горы лежат,
сине-синие, в три этажа...

1966

7

Сыч сычом, сижу в ресторации *Белый Лев*.
— Пиво? — Мне бы поесть...
...не забудьте хлеб...
Официантка, розовая, навеселе чуть-чуть,
с добрыми глазами молодой кобылицы
приносит какую-то жареную чушь,
которая только в Чехии и может присниться.
Потом появляется удивительный мальчик Саша
(а может, не он, а кто-то другой из наших),
мы сидим и молчим —
о любви, о несвареньи желудка.
Жутко...
Я честно жую. В голове — перловая каша.
Я сижу и боюсь, что сосед мне что-нибудь скажет

и придётся застенчиво улыбаться...
Стаканы пустеют, растут, двоятся...
Баста!
Роняю нож со стола. Посылаю кого-то к чёрту.
Ухожу... Двоится бумажка со счётом...
(Всего-то пять кружек... неужто я сильно пьян?)
Позвольте, голубушка, эта корона — моя.
Ошибка? То-то... Оставьте, не надо сдачи...

На улицах сыро. Городу скучно — плачет.
Мне весело.
Весело дождик стучит по крышам.
Я — не жду, не жду твоих писем!
Ты слышишь?

18.07.66, Ждяр-над-Сазавою

8

Стоят над Чехией ветра.
И скучно. И дожди.
Как будто снова Ленинград
за складками гардин.

Как будто отворяю дверь
в сырую пустоту —
и ходят волны по Неве,
тяжёлые, как ртуть;

и ходит дождь по мостовой,
совсем осенний дождь,

и ты кого-то ждёшь — кого?
Из песни — не уйдёшь.

Но песня там, и здесь ветра
раскалывают тьму,
и Ждяр, нелепый, как мираж,
как слово *почему*;

и что у чехов на уме,
по-русски не понять.
И ты за тридевять земель,
и любишь не меня.

1966

9

...Уходят лозунги и гимны,
и остаётся как-то вдруг
непрощенная *ностальгия*,
бесповоротная, как труд...
И облака идут над Прагой.
И дождь. И плачет город Ждяр.
И невзначай взрослеешь на год
за сутки чешского дождя.

9.07.66,
Ждяр-над-Сазавою

ОСЕНЬ В КАРФАГЕНЕ

Мы косвенны, как мухи на стекле.
Любой ответ содержится в вопросе.
И нет проблем. И есть на всей земле
для всех систем одно решение — осень.
Её аппроксимация — в азах,
в метаморфозах кратных отношений,
в твоих глазах... *Осталось показать,*
что осень — это общее решение,
что мы с тобою заданы в нуле
и сходимся, и, так или иначе,
наш мир определится однозначно
— ...и косвенно, как мухи на стекле.

...Но если не сойдёт на землю пламень
и мы не удовольствуемся снами
и нам не хватит красок, рифм и нот —
минувшее разделяется с нами:
история взметнётся, как цунами,
и косвенное в душах захлестнёт.

Останусь неразумным эгоистом!
В толпе идей, в столпотвореньи чувств,
порвав с осточертевшим игом истин,
я — прошлое переиграть хочу.
Неужто бывшее неотменимо?
Неужто в нём не разнуздать ни зги? —

— непоправимое, как право Рима
своё ярмо навязывать другим?!

Мы косвенны. Евклидово касанье —
прикосновенью и слиянью враг.
Под нашими пустыми небесами,
что было завтра, будет и вчера.
Так пусть воскреснут небеса другие!
Я настоящее гоню взашей.
Переполняет сердце ностальгия
по Карфагену, родине моей.

Пусть прошлое своим преображеньем
моё грядущее одушевит.
Пусть Карфаген меня усыновит.
Ни слова о проигранном сраженьи!
Ни слова о проигранной любви!

От Эйлера, от Блока, от Родена,
от глаз твоих, прости, я ухожу —
пусть мечутся в истерике по стенам,
как женщины, фигуры Лиссажу.
На два тысячелетия разлуки
возьми сентябрь и только чаще снись...

Двоится мир. Жрецы воздели руки.
На башнях плачут голуби Танит...
Забуду реку, скованную льдами,
забуду глетчеры в твоих глазах.
Надвину шлем, возьму копьё и знамя.

Уже взметнулось времени цунами.
Я должен битву выиграть при Заме,
я победителем приду назад.
Нам ненавистны римские законы,
Нам это иго невозможно длить...
Вдали встают шеренги Сципиона.
Решается история Земли.

Один лишь бой —
и уж не мой ли гений
поднимет человечество с колен —
и все пути сойдутся в Карфагене
на тысячи неподъёмных лет?
Латиницы Европа не узнает,
пуниец вспашет римские холмы,
восторжествует истина иная,
другая вера окрылит умы...
И с нас с тобою осенит везенье,
забудутся обидные слова,
угомонится чувств столпотворенье —
и рифмой лучшего стихотворенья
сойдёмся мы на невских островах...

...Один лишь миг —
и бой преобразится.
Не повернут против своих слоны,
карфагенянин сломит нумидийца,
сокровища Мелькарта спасены, —
и мы с тобою — соединены...
Я возвращусь, и ты меня узнаешь,

обрадуешься мне, не оттолкнёшь.....
Победное уже взметнулось знамя.
Тит Ливий врёт.
Полибий — та же ложь...

...Но если... —

Если с Клио шутки плохи, —
и сквозь эпохи шлемов и кольчуг
верхом на историческом подвохе
я, возвращаясь, мимо проскачу?..
Смогу ли — два тысячелетия в минус! —
на той Земле начать свои дела,
где не было России и в помине,
где двадцать лет как ты не родилась?..

Молчанье... Осень попросила слова.
Я проиграл. Не в масть моя игра.
Мне чудилось, решение готово,
а это — только *первый интеграл*...

Мы косвенны... мы неприкосновенны...
Мы — вздор, математический каприз,
мы — кривизна, мы каверза Вселенной
— и мы не друг для друга родились...

Мы косвенны. Дрожат твои ресницы...
И вижу я: над башнями Танит
двоится мир, решение двоится,
и осень ничего не объяснит.

1966

Сашка канул
будто и не было
голые камни
белое небо

за плечи мешок
и канул как в воду
ушёл ушёл
и руки не подал

ветер в желудке
и в патронташе
ранним утром
ушёл наш Саша

в тулупе дыры
согреться нечем
злой как худые
галкины плечи

в белое белое
белое небо
канул Сашка
будто и не было

1967

ЕВРЕЙСКИЕ МЕЛОДИИ

Мне худенькие плечики твои не обнимать,
нам души человеческие тронула зима,
любовь мою нескладную с обидой пополам
и все пути обратные — метелью замела.
И некому ответить за печаль мою — и пусть
двадцатое столетие не жалует за грусть.
Стоит оно в шинели с карабином у плеча,
кровавое похмелье в тускнеющих очах.

12.03.67

1

— Папа, я поеду в Иудею!
— Брось свою нелепую идею!
Там война на море и на суше,
вся страна в огне, и храм разрушен;
реки изошли кровавой тиной;
по дорогам скачут сарацины;
по пустым дворам собаки лают;
гол и пуст лежит Ерушалаим...
Ах и ой!
Куда ты взгляд ни кинешь,
попраны законы и святыни,
ум и совесть не имеют весу...
Поезжай-ка лучше ты в Одессу!

1967

2 (Псалом)

Нам звёздный плед,
нам злые сны,
нам боль без края —
по всей земле
твои сыны,
Ерушалаим;
по всей земле, по всей земле
в одной тревоге
мы ищем десять тысяч лет
к тебе дороги.

В полёте птиц,
в лучах зари,
во всём, я знаю, —
лежат пути,
пути не в Рим —
в Ерушалаим;
цвета надежд, любви и слёз —
в его палитре;
под стук колёс над всей землёй
звучит Колнидрей...

Ах, та далёкая страна, —
не родина для нас.
Так что же десять тысяч лет
душа о ней грустит?
Любимая! На полпути
забрехала весна,

но — лишь мечтою о тепле,
но только иней на стекле
она позолотит...

14.09.67

3

Вспаханы поля под полигоны.
Воздух напряжённее и чище.
В городе светло и полуголо.
Улицы блестят, как голенища.

Слышите молчание проспектов?
Даже слух не надо напрягать:
по планете марширует некто
в кирзовых армейских сапогах.

На полях кричат вороны стаи.
Города расставлены во мгле.
Он шагает, слышите, шагает
по святой и бедственной земле.

Чьи следы остались на дороге?
Кто принёс щемящий звон копыт?
В городах пустуют синагоги.
Ветер ожидания и пыль.

Встали облака над Иорданом.
Двигутся над звёздами знамёна.

В облака развёрнутым ударом
конные восходят эскадроны.

14.09.67

4

— Даже если вас высоко
злато вознесёт и мудрость,
да не станет в вас гордыня
выше меры и рассудка. —

Так учил нас вещей старец
Авраам из Сарагосы,
приоткрывший нам завесу
в храм высокого познания.

А почтенный наш родитель,
реб Иуда бен-Закаи,
торговавший льном в Иене,
нас учил совсем другому.

Как-то, нас собравши вместе,
говорил он брату Юсту,
мне, моей сестре Ирине
и родительнице нашей:

— Кроме града в Иудее,
кроме храма Соломона,
кроме клятвы ми-камоха,
кроме сих святых предметов

вы забудьте всё на свете, —
помните одно лишь злато,

в коем счастье и достаток
и людское уваженье;

ибо ежели не станет
у меня в подвалах злата,
кто, скажите, даст вам пищу,
приютит нагих и сырых?

Минул год, и вот однажды
к нам ворвались христиане
и убили брата Юста,
и в подвалах взяли злато;

и родительницу нашу
отдали на поруганье,
и в холодные застенки
бросили отца Иуду.

Лишь моя сестра Ирина,
как велит обычай предков,
бросившись на меч, успела
умереть неосквернённой.

Но когда, узнав об этом,
я поник бессильно в горе,
мне сказал мудрейший равви,
Авраам из Сарагосы:

— Даже если тяжкий жребий
выпадет на долю нашу,

да не станет наше горе
выше меры и рассудка.

13.09.67

5

Проснитесь! Бессонные ночи встают.
Идут поезда на бунтующий юг.
Бессонная явь наполняет квартиры
любовью и скукой, творящей химеры...
Я в вечном долгу перед девочкой Ирой
за то, что не принял улыбку на веру,
за скуку и ложь,
за фальшивые слёзы,
за раннюю боль неприятия прозы...
Но некогда вспомнить!
Уходят года.
В кричащую полночь идут поезда.
Прощайте!
Вы слышите песню мою?
— Мы вам оставляем науки и споры,
улыбки, любовь и асфальтовый город,
бессонные ночи, сумятицу вьюг!
Мы встретим столетье винтовкой и лирой —
история нам не откажет в примерах...
И ты,
даровитая девочка Ира,
проснувшись, увидишь бессонную эру:

бессонного неба
немеркнущий яд,
бессонные воды, бессонную явь...

12.07.67

К сердцу комом
подступают ямбы —
в явном соответствии искомым.
Уж не я ли выдумал, ноябрь,
акварель
красот твоих исконных?

Уж не я ли,
вспоминая лето,
сел однажды и постановил —
осенить озябшую планету
благодатью ласки и любви?

1966, 4.10.67

В нас затаилась осень
листьями
междометий —
вспомнит, придёт и спросит, —
что-то мы ей ответим?

То ли, что было лето
порознь
нами понято,
и затаилась где-то
в наших сердцах —
ирония?

С клёнов, осин и вязов,
в такт
с затаённой болью
листья летят,
как фразы,
брошенные тобою.

Это и наша участь —
в нас притаилась осень:
мы облетаем,
мучась
вечной весной сосен.

Так небосвод серьёзен!
Всё к дождю
по приметам...
— Знаешь, не надо, осень,
не торопи с ответом.

9.10.67

ПО ТУ СТОРОНУ

(1968-1970)

ЛЕТЕЙСКИЕ ВОДЫ

Последняя река, останови
движение твоей воды неспешной!
Я одержим печалью безутешной:
я — по другую сторону любви.

Сей мир теней бывает внешне схож
с обителем, покинутой навеки, —
но лишь когда мне сон смежает веки
и правду сладкая сменяет ложь.

Порою в благостном и зыбком сне
друзей далёких различаю лица,
но сердцем знаю: это только снится,
я здесь один... Не люди это, нет,

а тени горестные душ людских
скитаются в молчаньи углублённом...
Но та, чьё имя было мне законом,
младенческий одушевляя стих, —

она по эту сторону любви,
добра и зла, забот и дружбы нежной,
в наисчастливейшей юдоли грешной —
и бог за то её благослови!

19.08.70

Демон ли, дух ли, гений —
здравствуй, моя Лигейя!

*(Всё, чем земля прекрасна,
всё, чем богата Гея, —
ах, как бледны вы, краски!..)*

Невозвратимая, здравствуй!

*(Боги, остановите
время на час!
Вот уже год не видел
я этих глаз;
ты, кому эта ода
посвящена,
вот уже больше года
ты не одна...)*

Творческий бред Эдгара,
мой ли каприз и бред,
руны, раны и чары
в памятном январе,
росписи кватроченто,
россыпь лунных камней,
иго моё, — зачем ты
возникаешь во сне?
Сны мои косолапы.
Взятки гладки с растяпы!
Проку ли — с интеллигента?...

Здравствуй, моя легенда!

1969

В Павловском парке —
слова, вознесённые всеу,
слезинки модальные...

(Запах лета.

Снится мне это.)

Где-то на Карповке
ночь кафедральная с аркой...

ГОСТИНЫЙ ДВОР

РЕКЛАМА-ОРАТОРИЯ

*Г. Т.,
в замужестве Г. Д.*

ХОР

Пора, пора воспеть Гостиный Двор.

Ах, мои слёзы!

Там девушки стройны как на подбор.

Ах, мои слёзы!

Там я брожу — Назон, восставший в бозе

с недавних пор,

и мнятся мне мои Метаморфозы —

Гостиный Двор!

Ю. К.

Моя любезная ушла

делить свой хлеб с другим,

но пусть ей всё-таки во сла-

-ву будет этот гимн!

ХОР

Ах, мои слёзы!

А. В.

Женщина стоит у патефона —

она!

Стала мечтою мичмана,
сердцу привычной гаванью
в плаванье заграничном, а
главное —
говорили ей: не меняй фамилию,
а она...

Ю. К.

Приятель, вас высечь следует:
вы лирик, но мне не друг.
Я физику исповедую,
последнюю из наук.
А женщина эта спорная
едва ли узнала вас.
Но всё же давайте поровну
поделим наши права.

ХОР

Пора, пора воспеть Гостиный Двор!

А. Б.

Она весёлой невестой была...

Ю. К.

Ну да, это было!
Галактик сплетенье
вселенским цветком у тебя на груди,

и ты — не девчонка, а стихотворенье,
заветное, то, что всегда впереди!

ХОР

Пора, пора воспеть Гостиный Двор!
Мы уклонились от насущной темы.
Прилавок ждёт, а не любовный вздор,
от нас поэмы!

Ю. К.

Ах, мои слёзы!

ХОР

Боже! Вступаю в отдел трикотажа —
сколько изделий изысканно тонких!
Будто раздели принцессу — и даже
фрейлин, служанок, девчонок на пляже —
всё на продажу!

Ю. К.

Душу, которая тоже девчонка,
будто до нитки раздели подонки:
нате, глазейте, пусть формы покажет —
всё на продажу!

ХОР

Часы? Извольте!

Ю. К.

Уж не те ли, которые
ни забыть, ни вернуть мне —
уж не те ли минуты?

ХОР

Часы — это здорово!
Просят недорого.

Ю. К.

Ах, мои слёзы!

ХОР

Нет, не Назон я вовсе, но Спиноза —
был Этика мой труд, но с этих пор —
Гостиный Двор!

Граждане! Эй! Карманы бродячие,
эй, набирайтесь скорее отваги
и покупайте всякую всячину
исключительно в нашем универмаге!

Ю. К.

Реклама, а вышел псалом!
Но людям да будет известно:
мой храм, обречённый на слом,
останется божеским местом.

ХОР

Ах, мои слёзы!*

1970

*Новобрачной, из Г. Т. ставшей Г. Д., я хотел подарить значок с изображением её новых инициалов. Такой значок носили продавщицы в Гостином дворе. С величайшим трудом, преодолевая себя и, конечно, без объяснений, я обратился на Перинной линии к одной из скучавших за прилавком самодовольных напмаженных кукол, мне всегда отвратительных (нужно ли говорить, что Г. Д. была на них совсем непохожа?):

— Не продадите ли мне ваш значок?

— Нет, — холодно ответила та, а соседке, такой же отталкивающей прилавочной бездельнице, бросила:

— Знаешь, зачем *им* этот значок нужен? —

Это фантастическое *им* долго стояло у меня в ушах. Не для меня одного гостиные приказчицы были *категорией*; но вот и я оказался представителем *категории* в глазах одной из них. Какой категории, я не любопытствовал.

Для меня на целом свете
ты была одна,
а теперь склоняет ветер
наши имена, —
там теперь склоняет ветер
листья по шоссе,
где стоит на белом свете
город Туапсе.

Так надежда в этом мире
ходит меж людьми,
но, как дважды два четыре,
длится только миг;
и, как дважды два четыре,
правило старо,
что с печалью в этом мире
всё наоборот.

1969

Обо мне пускай не плачет
чудный город Нью-Мишель.
Отправляюсь наудачу
в океан людских земель.

Амазонка тихо дремлет,
Нил сверкает на пути...
Только все людские земли
мне вовек не обойти.

И поскольку нет у суши
ни начала, ни конца,
в человеческие души
я пускаюсь и сердца.

Может, счастье улыбнётся
в этой сутолоке мне?
Может, милая вернётся
наяву или во сне?

10.08.70

Про выстрелы и ладан,
про иней на висках,
про всё, про всё —

БАЛЛАДА
О БЕЛЫХ
БАШМАКАХ

Ах, беленькие туфельки
на низких каблуках!
Должно быть, я ослышался —
не верится никак.
Но говорят в народе:
мол, нечего вникать:
твоя лаура ходит
в белых башмаках.
Мне говорят: не верь ей!
Видали мы таких.
Она за вашей дверью
меняет башмаки.
Завидуют, завидуют —
от этого и лгут!
Ну где ж такое видано?
Поверить не могу!
Но говорят в народе
злые языки:
уж ходит, мол, так ходит,

мол, это пустяки.
Мне говорят: ну дело ли
природу упрекать?
Зима и вовсе белая,
а ты о башмаках...

Мы маленькие, маленькие —
много ль нужно нам?
Зимой достанем валенки
с горем пополам,
не валкие, не тесные,
и варежки с руки...
Осталось неизвестно мне,
причём тут башмаки.

август 1968,
Ново-Михайловка

ОЛОНЕЦКОЕ ВОССТАНИЕ

(...)

Дай, Спасе, мне
от ран батожных выжить,
в овражках, в Заонежьи
отлежать...
Един пожар за мною остров Кíжи,
как лезвие сапожного ножа!
Не мне, не мне —
моей России в спину —

неметчина, невыслымая ложь! —
сиятельной рукой Екатерины
направлен сей неимоверный нож!

В который раз ты мать моя, Россия!
Вручаешь мне, о мать, в который раз
свои дожди
неверные, косые,
тоску
и зоркость азиатских глаз!
От батогов в рубцах спина и ниже...
Бог знает, сколько дней осталось мне...
Не Китеж, нет,
я вижу остров Кíжи
покоящимся на озёрном дне.

И значит, не бывать тому, что было:
что ты дала, другая отняла,
и ляжет слой окладистого ила
на эти купола, колокола...

(...)

18.05.70.

ПОДРАЖАНИЕ ГАРСИА-ЛОРКЕ

Скучный-прескучный город
ночью окутан длинной.
Забраны плотно шторы,
поблескивают витрины.

Споры давно исчерпаны.
Шторы, словно ресницы,
в окнах повисли чопорно.
Но никому не спится...

Висят с разводами шторы
на окнах скучных гостиных...
Обходит угрюмый город
злая цыганка Марина.

Её вороные косы
мерцают отливом медным.
Пудель с розовым носом
бежит за Мариной следом.

— Это ли скучный город? —
кричит Марина. — Не верю!
Эй, подымайте шторы!
Эй, отворяйте двери! —

Грежу я наяву ли
вымыслами пустыми?
Где же провалы улиц
с тусклыми мостовыми?

Он вострепнулся, город,
стал многолюден, светел...
— Будьте, — кричит Марина, —
веселы, словно дети!

Что карнавалы в Риме,
Генуе или Ницце!
Масок не нужно — ими
все скрывают лица.

Скучный-прескучный город
полон весельем, смехом,
точно смеются горы
многоголосым эхом.

Где-то пляшет Марина,
в общем гомоне тонет,
волосы длинные-длинные
и звёздочка на ладони.

До первых лучей рассвета
царит неслыханный праздник.
Зову я: — Марина, где ты?
Она меня только дразнит.

Помашет мне, улыбнётся,
опять в толпе растворится...
А город в ответ смеётся
и песни летят, как птицы.

По асфальту звёздных дорожек
скатываются планеты.
Где твоя милость, боже?
Где ты, Марина, где ты?

11.07.70

СОМНАМБУЛИЧЕСКИЙ РОМАНС

*Я люблю тебя в зелёном!
Ветер зелен, веток зелень...*

Кануть голубем с балкона
в чашу звёздных ожерелий,
раствориться, раствориться
в нескончаемых просторах —
эта радость только птицам,
только нам с тобою впору.
И повиснуть на маслинах
ветром, что метался в поле...
День томительный и длинный
ожиданием расколет

ночи, чёрные от крика
звёзд пронзительного яда...
Этим летом, Федерико,
приезжай ко мне в Гранаду.
Смерти нет! Сердца, не верьте
этой выдумке упрямой...

Verde que te quiero verde.
Verde viento. Verdes ramas.

25.08.70

— День, ты сна не дал мне доглядеть!
Где регалии ночные, где?
— Ночь, я истины твои постиг —
ты прости, я говорю про стих.
— День, все истины твои просты,
а стихи беспомощны, прости.
— Ночь, родительница ты идей,
я же только твой подёнщик, день.

31.08.70

Сентябрь увиделся мне
китайским плафоном,
на тоненькой нити подвешенным,
и гостем непрошенным,
и скрипачом безутешным,
водящим смычком по шершавой и звонкой луне.

Сентябрь увиделся мне
надломленным юношей,
вялым, скупым, осторожным —
он бродит ночами
по гравии звёздных дорожек,
а утром кричит от мучительной боли во сне.

Сентябрь увиделся мне
дорогой асфальтовой,
листьями клёнов уложенной
и мокрой от слёз; как возможное,
всё невозможное
без всяких усилий живёт, отражённое в ней —
мне видеть её всё грустней...

Поэтому именно
чёрным ночным почтальоном,
печальным, как дверь,
роковым, как аптекарь влюблённый,
бездумным, как эхо,
сентябрь увиделся мне.

30.09.68

Это только игра, игра —
слова весёлые...
За порогом ветра́, ветра́,
деревья голые.

За окошком дожди, дожди,
но́са не высуну.
Если хочешь, живи один
с белыми высями.

Отвори балконных дверей
створки-локоны —
и останется плач дерев
около,

и останется слов игра,
кофточкой свесится...
На порог не пускаю страх
нового месяца.

На порог не пускаю дум
белые простыни —
вот я просто сижу и жду,
брошенный взрослыми...

12.06.70

Я все свои сроки просрочил —
и нет обойдённых обочин
с травой не примятою сорною,
и звёзд не осталось не сорванных...

Другими написаны гимны,
и в гимнах воспеты другие.

Но есть ещё южные ночи
и песен слова беспризорные
и разные истины спорные...
И есть этот мир, между прочим,
в котором я счастье просрочил,
но выгадал вящие доводы
в защиту теорий порочных...

Так выпьем по этому поводу!

9.11.69

УСТАЛОСТЬ

Со мною что же случилось?
Усталость, ах, усталость!

Исчерпаны науки —
претит мне даже звук их
имён нескладно-сложных,
их злато истин ложных...
Я жрец высоких истин
резца, пера и кисти,
но я бессилен, боже, —
и музы немые тоже.
От формул и от грусти
сбегаю в захолустье —
но нет и здесь покоя!
Я вывожу рукою
такие закорючки,
что если стать от скуки
не суждено мне прахом,
то я умру от страха.

Они молчат, науки!
Но их немые звуки
меня зачем тревожат?
и время кто стреножит? ...

30.08.70

Велик архив мой... Вот стихи вам:

Наедине с моим архивом... —

— нет, всё не так! Но вот стихи:

Уединяюсь в мой архив...

— опять не так! Начну сначала:

*Когда, подобные мочалу,
томительно влачатся дни,
когда не смеешь объяснить
тоску, внезапную усталость —
в своё вчера уединись...*

Но это получилось вяло,
растянуто и неумно —
ну, словом, скверно. Мудрено
давать всеобщие советы.
Терпенья, право, больше нету —
довольно! Брошу этот стих —
нескладное собрание строчек,
итог потуг, — оставлю их,
пусть пропадают. Жаль не очень.
Но где там! Проповедь не впрок —
который раз беру перо:

*Уединяюсь в мой архив!
О чём, о чём мои стихи
минувших лет? Смешно и странно
перелистать страницы снов —
любви залеченные раны
и радость... И увидеть вновь,
в набросках силясь разобраться,
того мальчишку, чьих следы
подошв доселе, как плоды
трудов, асфальты Петроградской
ещё единственно хранят —
моих! Ну да, того меня
с физиономией дурацкой!..
Милы мне эти пустяки:
рисунки, письма, дневники!
Как будто писаны не мною —
смотрю на них со стороны
и полон странной новизною
замшелой этой старины...
Велик архив мой!*

Ба, архив?!

Но что за дерзкие стихи
строчу я? всё подальше спрячу!
Не рукопись, самоотдача —
вот цель поэзии одна,
как заповедал Пастернак.

13.08.70

А ты всё та же, та же.
Не изменялась даже
библейская протяжная
 лень в рисунке плеч —
и снова я на страже
твоим послушным пажом
твоей любви сермяжной
твои мечты стеречь.

Но лето отцветает,
и люди бредят стаей,
и, может быть, Цветаевой
 были бы под стать
глаза твои: в них тайная
наша суть простая,
как Саломеи танец, —
преступна и чиста.

1969

ЭЛИСЕНВААРА

В городе — асфальтовое лето.

Сколько их, забытых, невоспетых
дней, которые уходят даром!..

— Собирайся! Куплены билеты —
мы поедem в Элисенваару!

Милая, ты слышишь? Мы поедem
в ту страну, где сосны и медведи,
где озёра, полные, как чаши,
нашим счастьем и тревогой нашей,
где немислимы тоска и старость —
мы поедem в Элисенваару!

В городе — асфальтовое лето.

— Ты ведь знаешь: нам приснилось это.
Валуны, хрустальные озёра,
дикий край, с названьем звонким город,
лес, весна.. Признайся, сделай милость, —
даже счастье, нам оно приснилось!
Явь ревнива и скупа на слёзы —
мы живём, и это, в общем, проза,
честная и плоская, как нары.
Нет на свете Элисенваары.
Ты, должно быть, в Сочи взял билеты.

В городе — асфальтовое лето...

26.03.69

Поэт не в античных ли метил мещан?
Est modus in rebus, есть мера в вещах...
Две тысячи лет невзначай протекли.
Мещане его с интересом прочли.
За веком вприпрыжку проносится век.
Пылятся коллекции библиотек.
Поэта в пылище поди отыщи!
Он с вящею почестью поднят на щит,
а вещи простёрты в обоих мирах,
и правят мещанами скука и страх.
Но разве забыты слова мудреца?
Никто и не думает их отрицать.
Подай нам вино из Мореи, да хлеб,
да зрелища, — буйствует нынешний плебс.
И вот уж мы веселы. Годы идут,
а вещи вокруг хороводы ведут.

27.05.70

СОНЕТ

Кое-какие весомые истины,
спорные исстари, выясним, истые.

Кое-какие задачи глобальные
глыбами лбов мы додумаем, дальние,
или в примеры сведём тривиальные.

Кое-какие уроки истории —
малую толику: притчи бесчисленны! —
уразумеем, должно быть, мы, — вскоре ли
или не сразу, а всё же домыслим их.

Правда, порою весьма радикальны мы:
некто с идеями маниакальными,
некто искатель, а очи нахальные...

Хляби хвалы... океаны хуления...
Хлеб поколения? веянья тленные?

2.09.70

Скука ли? Голод? Чёрт ли их гонит?
Трое студентов в товарном вагоне,
книги забросив, на юг уезжали —
разве не жаль их?

Брёвна и доски дрыхнушим жёстки,
куртки и брюки грязны, как обноски,
рваный брезент от дождя не спасает,
хмарь нависает...

Снедь добывают, копать смывают,
чудом от стужи не околевают
ночью на тряской открытой платформе —
всё это в норме!

В Харькове пышном пыльные крыши,
вдоль тротуаров рассыпаны вишни,
ходят лениво, как зебры, трамваи —
припоминаю...

В Красном Лимане — всё как в романе —
власти на нас обращают вниманье:
зайцев хватают... а мы их прощаем —
служба такая!

В полном порядке — взятки с нас гладки! —
мы на горе обитаем в палатке,

в Ново-Михайловке, у лукоморья —
мало нам горя!

Кто они, эти взрослые дети? —
что с ними делать, куда бы нам деть их?
Тот, кому встретить таких доведётся,
пусть улыбнётся....

1969, 12.05.70

ГОРОЖАНЕ

И. З.

Что нас держит в столицах,
ты не скажешь, сестрица?
Нас какие тревожат
впечатленья, не скажешь?
Год нечаянно прожит —
не заметили даже.

Подвести бы итоги,
на себя оглянуться —
мы ведь люди, не боги
и не раки на блюде...

Нас какие науки
до седин беспокоят?

А искусства? От скуки
есть ли средство какое?

Нанизать горизонты
на мизинцы, на зависть —
как заманчиво это!
Импозантны, как зонтик,
синяки под глазами —
не уснуть до рассвета.

Бесприютные ночи!
Мой Онегин не начат.
В чём-то бог был неточен,
чей-то план неудачен...
Что таилось веками
с геометрией рядом —
угадать бы, где камень
философский упрятан! ...

29.07.70

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПИСЬМО

1

Прости, дорогая, я долго молчал.
Я знаю, весенние трубы звучат —
и души тревожат... и утро в слезах...
Я должен о многом тебе рассказать.
Давай отвлечёмся от скучных идей,
потрёпанных истин, потёртых людей,
от пляски за полночь теней городских,
от грусти (запомни!), от страхов людских,
Приду я под вечер, в назначенный день,
ты самое скромное платье надень
и с первою краской вечерней зари
ты дверь, выходя, за собой затвори.
Но где твой унылый асфальтовый двор?
Мы выйдем в таинственный сказочный бор —
на самых верхушках не дрогнет листва,
стоит на опушках по пояс трава,
и ели искрятся в последних лучах,
и звонко от тихого смеха зайчат...

2

Лишь солнце зайдёт, я тебя приведу
туда, где русалки играют в пруду,
и тлеет костёр, и сидит у костра
загадочный зверь — полудруг-полувраг.

Он трусит, и взгляда не смеет поднять,
и грустен, и чем-то похож на меня,
и рыжая шерсть на загривке густа,
и странная речь у него на устах:
— Терпи, — говорит он, — настанет пора —
ты станешь, как я, — полудруг-полувраг,
и глаз от земли не посмеешь поднять
и будешь до боли похож на меня... —
Не стоит сердиться! Он бредит весной,
и всё, что он выдумал, очень смешно.

3

А вот и избушка в медвежьем лесу —
в ней баба-яга заплетает косу
и, ночь напролёт, поправляя свечу,
всё вяжет на спицах какую-то чушь.
Давай постучимся!

— Ведь скоро светло!
Кого это, — скажет, — ко мне занесло? —
Не бойся. Ты видишь: светлеет в дверях:
старуха со свечкой идёт отворять.
Уж больно стара! Ничего, поворчит
и ляжет тихонько дремать на печи.
И, если попросим, расскажет она
о канувших в бездны седых временах.
И совы, послушать мудрёный рассказ
одна за другою слетят с потолка;
и мыши из дыр в полусгнившем полу
придут и усядутся рядом в углу...

Старуха бормочет о чарах лесных,
о дуплах заветных, о пнях потайных,
о леших, о дубе с учёной совой,
о лунных полянах с волшебной травой,
о речке, где гномы резвятся с утра,
о рыбах, о звёздах...

Светает.

Пора.

Старуха зевает, укрылась теплей...
Мы тихо задуем свечу на столе,
и дверью не скрипнем, спускаясь во двор.
Но где же таинственный сказочный бор?
Ещё не померкла закатная даль,
всё тот же привычный и скучный асфальт,
и нет ни тревоги, ни слов о любви,
и нет меня рядом,
и ты не зови...

Живу я в дремучем медвежьем лесу,
где баба-яга заплетает косу,
где гномы, резвясь, хороводы ведут,
а ночью русалки играют в пруду,
где ели, насупивши кроны, стоят,
и слышно, как плещется рыба в ручьях...

1968

НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ *М. Г.*

Твой октябрь осыпает листья
нежные, поплёкшие едва.
Никаких хрестоматийных истин,
ни плакатов, ни знамён — листва...
Твой октябрь бродит в переулках,
трогает тихонько провода,
спрашивает: — Маша, ты уснула? —
и во сне ты отвечаешь: — Да. —
Говорит он: — Мы давно знакомы,
наши грусть и слёзы — пустяки,
будь что будет: вызываю гномов
из моих подземных мастерских.
Ты проснёшься утром ровно в восемь,
будешь долго у окна стоять:
это мой подарок, это — Осень
Самая Красивая, твоя.
Спи. Мы все поглощены работой —
лишь бы ты, проснувшись, поняла,
что живёт на этом свете кто-то
чтобы делать добрые дела.

октябрь 1968

Сколько золота рассеяно
Этим утром во дворе!
Будто маг самонадеянный
Воцарился в октябре —
Ворожит с учёной миною
Не щадит своё добро,
Бородой трясёт козлиною,
Сверху сыплет серебро.

16.10.70

ПЮВИ

Монпарнас в упряжку дня
тучи пегие впрягает,
осень плачет о любви.
В нашей студии Пюви,
злой и тонкий, как пергамент,
ходит длинными шагами,
ходит, медленный, как Гамлет,
и не смотрит на меня.

А распахнутый Париж
сытой пастью говорит:

— Был Анри со мной не дружен —
от него осталась лужа,
тоже труженик, а факт.
Ты недюжен? Ты не нужен.
Ты банален, как тюфяк.

Тучи строятся поротно.
Краски тают на полотнах.
Полумрак осенний. Жуть.
Я за примусом слежу.
Вянет день в оконной нише,
за окном — чердачный вид,
скачет по соседней крыше
воробей закатно-рыжий
и орёт: — Пюви! Пюви!

Он сидит. Лицо крестом.
Руки брошены на стол.

— Я злосчастный, я раздетый,
обо мне смердят газеты,
деться некуда из хлева.
Детство, где ты? Краски, где вы?
Этот мир тузов и девок,
сделок — вот бы подороже —
брутов, лезущих из кожи, —
не увидеть, переделать,
пересилить — невозможно...
Матерь Божья!

Ходит длинными шагами,
ходит, будто настигают —
страх ли, страсть, его сестра...
Я размалываю кофе,
я скальпирую картофель:
мэтру ужинать пора...

Что добавить? Это было —
не устану вспоминать.
Время сивою кобылой
протрусило мимо нас.
В добрый час! Но мы-то, грешные,
жалкие от немоты, —
пусто краски нам замешивать
и натягивать холсты...

Осень. Восемь пополудни.
Людно празднуются будни.
Кисти немые, кости ниц...
Вот сижу: седой, небритый,
бывший — битый и забытый —
твой слуга и ученик...

Осень. Сложены тетрадкой
титры канувшего сна.
А у нас на Петроградской
ходит тайная весна.

1969

НА ПЕТРОГРАДСКОЙ

1

Где-то там, на Петроградской,
в старом доме у метро,
дремлет Эйлер над тетрадкой
с уравнением Клеро.

Тени длинные крадутся
от неонов во дворе.

Вышла в кухню тётя Дуся
за кофейником смотреть.

Тишина такая в мире,
будто вдруг не стало слов:
Эйлер в маленькой квартире
тихо дремлет за столом.

(Кто я? Мирный обыватель:
туфли тёплые на вате,
кресла, древние, как мир,
да ампирные кровати,
да пылающий камин —
вот и весь старик. Аминь.)

2

Где-то там, на Петроградской,
в стороне весёлых снов,
тени движутся украдкой
у любимой под окном.
Я взлетаю к ней на пятый
и, дыханье затаив,

слышу только сердцу внятный
каблучков речитатив.
Что за встреча у порога!...
(Впрочем, не об этом речь!)
— Я не поздно? Ради бога,
собирайся поскорей!
Девять бьёт. Улыбку пряча,
говорит она хитро:
— Понимаешь, вот задача
с уравнением Клеро...
— Мы же званы на варенье!
Верно, ждёт давно старик!
Я не смыслю в уравненьях —
лучше с ним поговори...

3

Где-то там, на Петроградской,
вянут флоксы фонарей;
в хороводе залихватском
пляшут тени во дворе.
Время тянется, как невод,
мы у Эйлера в гостях;
говорю со старым Лео
о футбольных новостях,
о погоде, о природе,
о превратностях судьбы
или что-то в этом роде —
я подробности забыл...

Таня пишет интегралы,
кофе стынет на столе,
рассуждают — боже правый! —
о проблеме Дирихле.
Мне же с миною дурацкой
только слушать и молчать...

4

Где-то там, на Петроградской,
бьёт одиннадцатый час.
Лето. Ночь идёт по крышам
Петроградской стороны.
Говорю ей строго: — Тише!
Дети спят и видят сны.

1969

БЬЯНКА КАПЕЛЛО

Венеция. Мост через канал. Направо
палаццо Капелли, налево доходный дом.
На мост поднимаются Аллори и
Бонавентури.

АЛЛОРИ

Вот здесь тебе почтенная матрона
Охотно комнату отдаст внаймы.
Я у неё живал когда-то сам,
О чем без сожалений вспоминаю.

(Бьянка в сопровождении кормилицы
приближаются с набережной и входят
в боковую дверь дворца.)

Однако что с тобой?

БОНАВЕНТУРИ

Постой, Аллори!

Ты видел?

АЛЛОРИ

Да, девчонка хороша.
Хотел бы знать я, кто она.

БОНАВЕНТУРИ

Мадонна!

АЛЛОРИ

Ну, нет уж! Богоматери черты
Должны быть мягче. Эта синьорина
Хоть и не подняла ресниц, в глазах
Своих таит недюжинное пламя
И вся она — не кротость, но гордыня.
Нет, я Христа родительницы образ
С неё писать не стал бы!

БОНАВЕНТУРИ

Ты в уме ли?

Или на родине у нас, в Тоскане,
Ты видел равных ей?

АЛЛОРИ

Положим, нет.

Что ж из того? Христова мать блондинка!

БОНАВЕНТУРИ

Она брюнетка, ибо вот тот образ,
Который ей единственно сродни!
Но спор ненужный бросим...

(Из дворца выходит слуга с корзинкой.)

Эй, приятель!

Кому ты служишь?

СЛУГА

Господам Капелли.

(в сторону)

От иностранцев нынче спасу нет!
Глядишь, и ног не унести: сердиты.

БОНАВЕНТУРИ

Скажи нам имя юной синьорины.

СЛУГА

Достопочтеннейшие господа!
Вы сами кто? Приезжие, должно быть.
Я мелкий люд, уж это точно так-с,
Конечно, пёс я, но уж только верный!
Закон республики премного строг.
А вдруг шпионы вы?

БОНАВЕНТУРИ

Лови, бездельник,
Вот серебро. Как синьорины имя?

СЛУГА (пробует монету на зуб)

Ах, боязно мне как! Я мошка, мышка,
А малость сплоховал, глядишь — и крышка!
Удавит сбир! С живого спустит шкуру...

(смотрит на Аллори)

А тот синьор — совсем по виду турок.
Неровен час, ещё напустит порчу...

БОНАВЕНТУРИ

А ну, мошенник, хватит рожи корчить!

СЛУГА

Он на жида похож!

АЛЛОРИ

(берётся за кинжал)

Что я не жид,
Узнаешь ты, ещё покуда жив!

СЛУГА (отскакивая)

Как барышни божественна осанка!...

БОНАВЕНТУРИ

(хватает слугу за горло)

Тебе конец! Ты скажешь имя?

СЛУГА (сдавленно)

Бьянка.*

18.08.68, 13.08.70

* Автор позволил себе познакомить Алессандро Аллори (1535-1607) и Пьетро Бонавентури (1548-1584). Авантюрист

Бонавентури соблазняет Бьянку и тайно увозит её из Венеции. Во Флоренции молодые супруги бедствуют и не ладят. Бьянка становится возлюбленной Франческо Медичи. Бонавентури убит — по приказу Бьянки или при её попустительстве. Живописец Аллори, ученик Понтормо, писал Бьянку на вилле Поджо-ди-Кайяно незадолго до её гибели от ею же приготовленного яда, в бытность её женой Франческо Медичи и флорентийской герцогиней.

ЛИХОРАДКА

Я болен, я болен —
ни смерти, ни сна:
со всех колоколен
гундосит весна.

Скажите, доколе
мне жёрнов нести —
оскомин дрекольем
глаголы пасти?

Спасти очертанья
исчерпанных слов?
Окстись, на черта мне,
на кой мне сдалось!

Но вот на приколе
восьмая весна —
я болен, я болен,
ни смерти, ни сна.

Лежу в этом мире
безумных потуг
в пещерной квартире,
в холодном поту,

лежу, точно в склепе,
в юдоли земной.
Но чудится: степи
простёрлись за мной —

погоня, погоня,
полтинники юрт,
приземисты кони
и стрелы снуют —

от них ускачу ли
в полуденный зной?
Косоги почуяли
запах степной!

Всё уже и уже
подковы охват —
погоня! Но ужас:
то скачут слова!

Я пойман — я эпик,
а эпоса даль —
то скифские степи,
то мокрый асфальт,

то лошади Клодта,
то старый вокзал —
мальчишки в пилотках,
девчонки в слезах...

Но полно! Ответьте,
отриньте мой бред:
какое столетье
стоит на дворе?

Наречь лихорадкой
хворобу мою
со дна Петроградской
восходит июнь.

28.08.70

ЧАРЫ СЕНТЯБРЯ

Слова, мелодии, опять слова
мне целый месяц не дают покоя.
Наверное, сентябрь виноват,
наверное, поникшие левкои...

Брожу по улицам, в полях брожу,
виденьями таинственными брежу,
а мир вещей мне видится все реже.
Должно быть, возраст положил между...

Доверюсь ли, как прежде, сентябрю,
его картинам медленным и серым?
И снова я не буду пионером,
но истины простые повторю:

о том, что время бег остановило,
и если тихо по лесу бродить —
чудесен он: то лешим сук глядит,
то звонко в чаще рассмеётся вила —

и вы уж видите её: сидит
на корточках, курногая, босая,
ежа с ладони на ладонь бросает
и заливается... А лес сердит

и подойти поближе не позволит:
шагнёте — ветка хрустнет под ногой,

девчонка вскрикнет, вскочит и — бегом,
и ёж поспешно улизнёт, доволен...

С улыбкой принимаю этот бред
счастливого смиренья и покоя.
Замечено, что только в сентябре
со мной ещё случается такое.

3.09.70

СВЯТОЙ ДОМИНИК

О, я верую страстно!
Ты душу мою помяни,
заступи перед господом нашим,
святой Доминик!
Заступи, заклинаю тебя
человеком-Христом!
Да простится мне то,
что колен не умел преклонить,
и гордыня мирская,
и плоти потворство — за то,
что в слезах уходил
от елейной премудрости книг
к благодати,
твоим указуемой в небе перстом.

Помяни мои слёзы
у отчих колен, Доминик!
Да не взыщет создатель
за помыслов прошлых пути,
ибо вот я прозрел!
А ещё ты раба помяни
Боттичелли,
что к истинной вере меня обратил.

25.08.70

От пряничной поэзии уход
Я праздную. Меня влекут раздумья —
И, значит, ямбы... Вот куда уйду я
От звуком захлебнувшихся стихов!...

Отправлюсь в рощу или бор сосновый,
Где тяготы становятся легки,
И отступают в сумрак пустыки,
И прорисовываются основы.

Ответ готов: излучину пути
Так явственно отображает осень,

Так благостны простые рифмы сосен,
И так нетрудно волю обрести.

Бледнеют краски — но кого винить вы
Осмелитесь? Природа такова
Сосредоточенности. И слова
Являются непрошенной молитвы:

Внуши мне веру, преподобный ямб!
Пусть говорят, что ты ступенька к прозе.
Мне дактиль — дед, хорей — сестрѐнки вроде,
Но ты отец мне, пятистопный ямб.

Ты, сына блудного приемля, отче,
Ему прости неизреченья грех:
Те десять тысяч нерождѐнных строчек,
Те десять лет языческих утех!

5.09.70

Уеду в далѐкие дали,
Куда и глаза не глядят:
В Сибирь, на Камчатку, на Дальний
Восток... от себя, наугад, —
Сто лет повторяю подряд.

Сто лет, повторяю, а всё же
Не сняться в дорогу никак.
Лишь брови сдвигаются строже,
Да тени легли на висках:
Я прочно увяз в пустяках.

В сетях чепухи эпохальной
Скитается тусклый мой взгляд.
Подвохи с ухмылкой нахальной
Над жалким уютом скулят —
И гонят к Макару телят.

Мне страшно себя подытожить,
Порыться в души тайниках...
Стою у шагреновой кожи —
В глазах стоеросовый страх
Да чётки недели в руках.

17.10.70

Уходят электрички
Прямые, как мечи,
Способные в кавычки
Минуту заключить,

Рассеянную просинь
Пронзая на ветру,
Туда, туда, где осень
Вершит свою игру.

В полях, где на этапах
Ночуют журавли,
Вдыхаю пряный запах
Распаханной земли

И воздух пью запоем,
Настоянный в лесах,
На листьях и на хвое,
На травах и грибах.

29.10.70

АМНЕРИС

Светлые такты печали
Тают в партере и ложах.
Девушка плачет ночами,
Плачет и плакать не может.

Ночь промелькнёт. Неизменный
Ра возродится, а ей

Нужно прислуге надменной
Скорби не выдать своей.

В смене картин ежедневной
Некому сердце открыть.
Милая! Тяжко царевной,
Легче невольницей быть.

4.10.70

ХЛЕБНИКОВ В 1921 ГОДУ

В том году, подобном мальчугану
С головой кудлатой и шальной,
Хлебников скитался по Ирану,
Выжженному солнцем и войной.

Исхудавший на походных трактах,
С карабином на ремне, босой
И длинноволосый, брёл он как-то
Каспия прибрежной полосой.

И лишь день повинной головою
На черту закатную поник,
Перед путником возникли двое:
Девочка и сгорбленный старик.

Будто бы соткались из сгущений
Сумерек и всхлипов тишины
Эти полупризрачные тени
Господом оставленной страны.

Страх ли, голод, помутивший разум,
Выгнали несчастных из лачуг?
Нищие, брели они к Ширазу,
В неизвестность, на далёкий юг.

Хлебников сказал им: — День мой прожит.
До ночлега пустяковый путь.
Вот моя осьмушка. Я, быть может,
В Энзели добуду что-нибудь.

Детские глаза сверкнули вечным
Голодом. Старик потупил взгляд.
— Мы бедны, и заплатить нам нечем.
Ты же сам, как видно, не богат... —

— Если впрямь необходима плата,
Знаком воинского ремесла
Пусть цветок украсит грудь солдата —
Тот, что девочка в руке несла! —

И старик ответил: — Ты не воин!
Ты приносишь счастье беднякам.
Будь по-твоему. И да спокоен
Сделается путь твоим ногам! —

А дорога выдалась неблизкой —
Время осмысления начал.
Только месяц выскобленной миской
Рукописей правку замечал.

Предпоследнее стояло лето,
Вызревали злаками слова...
И повсюду впереди поэта
Шла о нём народная молва.

Говорили: — Путь не к нам ли держишь?
Не беги от нашего стола.
Мы ведь знаем, кто ты: русский дервиш,
Счастье приносящий, гюль-мулла!

7.10.70

ЭПИТАФИЯ ХЛЕБНИКОВУ

(палиндром)

Рим и лев — герб, а муза — разума брег, Велимир.

13.06.70

Что с Россией случилось?
Темно среди белого дня!
Это, верно, усталость
лишила рассудка меня,
Или, может, я болен —
такое привиделось мне!
Пол-Европы не сладило с нею
в минувшей войне*,
Бонапарт надорвался,
а прежде Батый и Кончак...

— Саранча, говорю я тебе!
На полях саранча!

1970

* Стыжусь этой мысли, но — «не смываю» (как и многое другое). В двадцать четыре года следовало быть поумнее.
Ю. К. (1984)

Идут года... Они идут, года, —
И откровенья нас не посещают.
Прощайте, мыслящие угадать
Первопричину сущего. Прощайте!

Возьмите мира общие черты
И облик помыслов его огромных.
А я с тобою остаюсь: лишь ты
Пестунья грёз моих, отныне скромных.

Мне рифмы точные милей теперь,
В них вижу будущее. Ночью этой
В сады эдема приоткрыта дверь —
И, значит, сна не будет до рассвета.

30.08.70

Звучные капли упали.
Даль голубая поблёлка.
Вижу сквозь мокрые стёкла
Города хмурые дали.

В брызгах витрины и фары,
Шляпы и макинтоши.
Слушают поступь прохожих
Тусклые тротуары.

Вышла и не обернулась.
Медлишь на остановке.
Лужа у самой бровки
Отблесками захлебнулась.

Тучи на горизонте
Слепо сомкнулись без силы,
Дождик трусит унылый,
Ветер треплет твой зонтик.

1961, 1970

Любимая, ни слова о любви...
Любовь не поводок, скорее — повод.
Но если есть ещё порыв, порви
Связавшие тебе уста оковы,
И если есть ещё слова, скажи,
Какую боль ты назвала любовью,
И то ещё, как жить мне с этой болью,
И то ещё, как без неё мне жить.

3.05.69

Т .К.

Любимая, слова легки
И лишь поступок — труден.
Но будут всё-таки стихи,
И равных им не будет —
Не потому, что лучше ты,
Чем все, кто был мне мил,
А потому, что лучше ты,
Чем этот целый мир.

25.07.70

